

АРОКЪ И ШТЕР

№2

Фото Алексея Исаева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Полковник Васин, Иван Бодхидхарма, Борис Гребенщиков, Старик Козлодоев, Губернатор, Корнелий Шнапс, Джордж Гуницкий, Павел Северов, Аригато, Сокол, Дубровский, Мой Муравей, Дмитрий (Митрич) Дроздецкий, Афанасий Никитин, Чкалов, Гертруда, Гарсон №2, Максим Лесник, Пани Ирэна, Ангел Дождя, Сергей Ильич.

НАЧАЛО ПРОДОЛЖЕНИЯ

Мы все знаем. То есть – мы не знаем ничего. Разница между всё и ничего всегда не слишком уж значительна, ну а в этом раскладе особенно. И вот почему...

Первый выпуск вестника ПОСТ АКВАРИУМА «Арокс и Штёр» был издан не очень вчера. Именно – в июне 1991 года. С тех пор случилось – произошло – сложилось и даже безусловно ещё было немало всяческих изменений. Изменилось – поменялось – модифицировалось – выглянуло с другой, с неожиданной, непредсказуемой стороны многое очень, прежде отчего-то не бывшее, более того, даже и не существовавшее.

Странно ли это? Едва ли да. Ведь за минувшие почти два с крючком (без малого) десятилетия, кое-что изменилось в зачем-то окружающем нас пространстве.

Изменений вроде бы в самом деле немало.

Страны, города, дома, переулки, президенты, мэры, деньги, женщины, люди, кошки, ящерицы и львы – все это, равно как и все прочее, меняется и обрастает своеобразными метастазами. Или разными метаморфозами.

Ленинградский рок-клуб, например, отчего-то не приказал долго жить, напротив, выжил, однако стал не совсем тем, чем был примерно некогда – лет сто, сто десять тому назад.

Для пущей рок-н-роллизации населения в городе трёх с половиной революций уже несколько лет живет и здравствует петербургский рок – клуб. Тоже хорошо. Даже местами здорово.

Но «Арокс и Штёр» – это вестник «Пост Аквариума». «Пост-то он Пост», но ежели кто-либо возьмёт на себя смелость сказать, заявить, доказать, определить или даже утвердить, что же такое есть АКВАРИУМ, то ему, право, не позавидуешь. Можно, само собой, считать АКВАРИУМ группой, ансамблем, бэндом, составом, даже в некотором смысле, проектом, только это будет не самая оптимальная информация.

Много лет назад Б. Гребенщиков сказал – это можно прочесть в одном старинном интервью, что «в АКВАРИУМЕ переиграло чудовищное количество народу». Не доверять его словам нет никаких оснований. Более того, за последующие примерно десятка полтора лет, и гроздя ночей и дней, количество музыкантов, исполнителей и прочих, побывавших в составе АКВАРИУМА, стало намного больше. Что и не странно ничуть.

Само собой, это были музыканты разные самые, – и хорошие, и замечательные, и не очень, обнаружить и уточнить их фамилии, отчества, имена и кликухи-прозвища-псевдонимы запросто сделать можно с помощью различных аквариумных сайтов, списков и прочих справочников. Коих не так уж и мало. Но прежде всего следует иметь в виду, что АКВАРИУМ – это процесс, состояние, форма или даже способ реализации (то есть самореализации), изрядный и увесистый кусок

кармы, небо над облаком, земля над водой, свет тишины, душа тела и тело души.

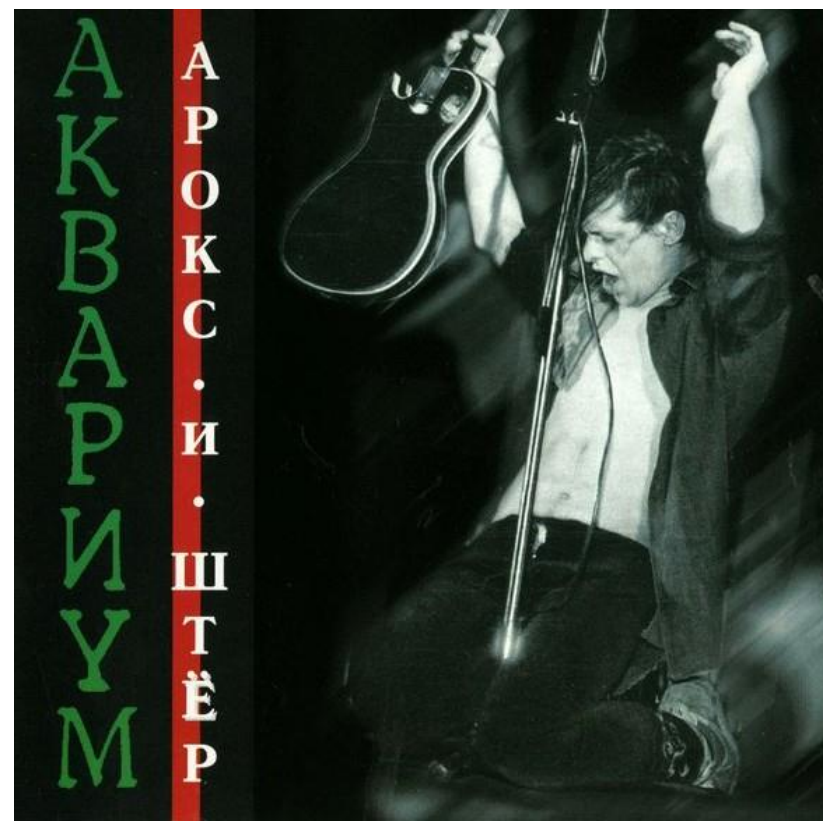
Ибо мы все знаем. Давно, хорошо и не очень плохо.

То есть – мы по прежнему не знаем ничего.

СПРАВКА № 18

«Арокс и Штёр» – 1-й концертный альбом^[1] группы «Аквариум». Запись концерта в ДК им. Луначарского, [Москва](#), Ботанический сад, [6 января 1982](#) года (как указано в [справочнике Северова](#), но на самой обложке диска указано [7 января](#)). Официальный бутлег (слова-перевёртыши, т.е. полученные реверсивным воспроизведением, из композиции «Поэзия» на «[Треугольнике](#)» (Арокс – скоро, Штёр – прочь)). Альбом был выпущен в [1995](#) году студией Триарий, а в [1996](#) году – Отделением «Выход». Концерт был организован и записан клубом имени Рокуэлла Кента. При издании использовались записи из коллекций Олега Андрюшина и Алексея Ипатовцева; фотографии, сделанные Игорем Простаковым и оригинальная обложка, предоставленная Александром Старцевым и Вадимом Кондрадтом.

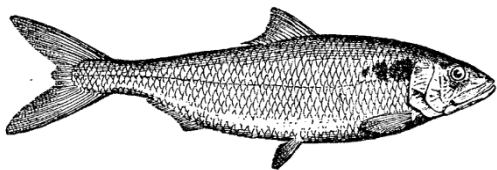
«Мы поехали в [Москву](#), но [Женька](#) уже поехать с нами не смог. И, порепетировав один раз, мы поехали с [Петей Трощенко](#)вым». Этот концерт в

ДК им. Луначарского был записан и впоследствии выпущен на бутлеге под названием «Арокс и Штёр». [Боб](#) категорически отказался петь «В поле ягода навсегда», и я взял на себя смелость спеть её сам, но забыл начало одного куплета, что очень хорошо слышно на записи. Эта песня была инспирирована статьей в журнале «Повесник», в которой песня Strawberry Fields Forever была переведена таким идиотским образом.»

([Всеволод Гаккель](#) «Аквариум как способ ухода за теннисным кортом», 2000 г. ^[2])

АКВАРИУМНЫЕ МЕСТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Логично начать будет с Алтайской улицы в Московском районе. Тихий, отчасти даже буколический двор дома 22. В котором в достопамятные, доисторические – прошлые века времена жили в соседних парадных и Борис, и George. Жили. Гуляли во дворе. Слушали музыку. Которая им нравилась. Гуляли возле и вокруг «помойи». Немного тревожили проходящих мимо пожилых дам, обращаясь к ним странными речами и маловразумительными монологами, но при этом абсолютно лишены эротических или сексуально-похотливых подтекстов.

До метро «Московская» от их дома было минут десять-двенадцать ходьбы, не более того. Но и не менее. Аквариумная яйцеклетка была оплодотворена именно здесь, на Алтайской. Не случиться сего тогда и там не могло де-факто. Недалеко находились улицы Ленсовета, Типанова и проспект им. Гагарина. Двор был большим, отчасти даже немного фундаментальным. В сдержанном смысле слова.

Значительнейшей, даже очень и очень существенной во многом сферой локализации АКВАРИУМА является также улица Малая Конюшен-

ная. В доме, где некоторое, не самое короткое время проживал БГ, он не только сживал на крыше дома своего, чему как известно давно, был «оченно рад» порой, но и множеством прочих полезных дел занимался. Невский проспект неподалеку, минут пять с половиной ходьбы, а то поменьше...

ДК им. Ленсовета. В не столь уж древние времена именно здесь проистекали с удивительной регулярностью наиболее достойные роковые концерты города над бурной Невой. АКВАРИУМ выступал здесь часто, каждый год и не по одному разу. Именно тут... много, много чего истинно Аквариумного происходило именно здесь. И мне кажется, что только в зале ДК Ленсовета АКВАРИУМУ удавались наиболее отборные концерты. Не так уж просто отыскать в Петербурге такую залу концертную, где АКВАРИУМ не выступал бы; вроде бы ещё и есть такие, но про них в настоящем раскладе смело можно вообще не говорить.

Нельзя, невозможно не вспомнить о сытом и благополучном БКЗ, о самодовольно-нагловатом, грубовато-отвязном «Юбилейном», о тихом ДК им. Связи, и также ещё об архитектурно-корявом «Мюзик-Холле», о совдеповски-убогом «ДК им. Цюрупы»; именно как раз отсюда АКВАРИУМ отправился на фестиваль «Тбилиси-80».

Рокерский Загон на улице Рубинштейна, 13 неоднократно становился надежной зоной аквариумного пристанища. Фестивали, концерты, репетиции, собрания, прочее разное. Студия Тропиллы на Охте. «Сайгон», «Аббатская дорога», «Орбита», строгановский сад и магически-уютный сад «Пале–Рояль» на Литейном. «Рим». «Космонавт».

И само собой, Пушкинская, 10. Страшное, невообразимо – inferнальное, запредельно-непостижимое, в кубе питерское, но такое достойное место!

Бенедикт Бурых

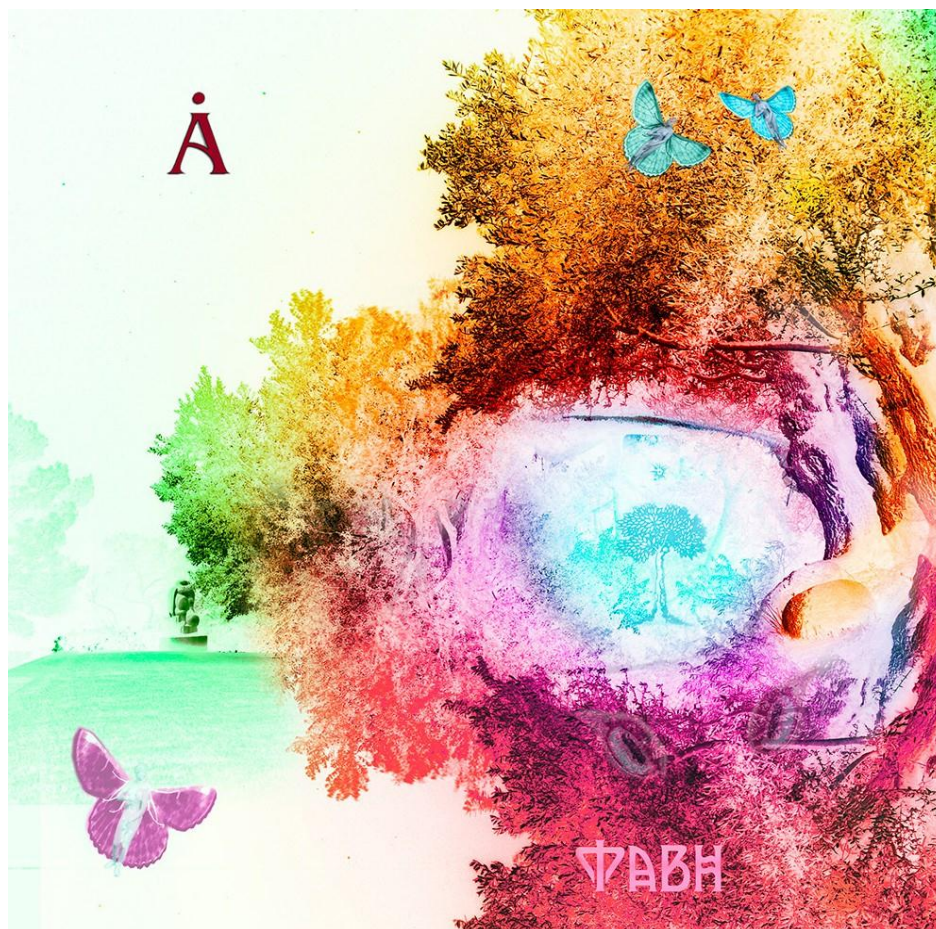

О ПОЛЬЗЕ МЕЛАНХОЛИИ ФАВНА

Прежде чем сочинить заметку под названием «О пользе меланхолии», я заглянул во всяческие справочники, «ссылочники», прочитал некоторые статьи. Даже в строгом царстве г-на Фрейда позволил себе немного осмотреться, ведь и он про меланхолию когда-то писал. Есть весьма обширный список синонимов меланхолии; таковыми считаются: «гипохондрия, грустное настроение, депрессия, грусть, ипохондрия, мерехлюндия, минорное настроение, мрачное настроение, печаль, сплин, тоска, тоскливость, унылость, упадок духа, хандра, элегия».

То есть, все те состояния и настроения, которые почти постоянно и часто в нас присутствуют и сопровождают нашу жизнь, практически всегда, постоянно и во всех возможных проявлениях... Именно эти состояния – пусть и различных пропорциях – определяют и содержание, и стержень, и смысловой фокус современной культуры, причем «современность» следует понимать в достаточно широком временном диапазоне. Наверное, было бы лучше и проще, если бы все эти синонимы не доминировали столь реально, но так складывается, что деваться-то от них особенно и некуда.

В не столь давние, в былые времена, я придумал слова. То есть, фразу: «Грусть – это ступень к радости». Что же именно имел в виду – едва ли

понимал тогда, но это была фраза из пьесы... которую я так и не дописал. Бог с ней, с той пьесой! Ежели более пристально вслушаться и вдуматься в эти слова, то нетрудно понять-врубиться-прочувствовать-ощутить, что любого рода депрессии, расстройства, грусти, обломы, печали – и так далее по уже приведенному выше

списку, это есть нечто пусть не очень радостное, но совершенно неизбежное. Хочешь – не хочешь, только деваться от этого все равно некуда.

Вот не очень старый сингл АКВАРИУМА «Фавн». Я слышал песню ещё на премьере, в Капелле, если это в самом деле премьера была. Буду считать, что была. «Фавн» внес немалую толику удивления и потрясения в моё потёртое и временем, и чем-то ещё другим, подобие сознания. Новая песня, как, собственно, и весь концерт в Капелле, подарила ощущение доподлинного, очень яркого, животворного света.

«Фавн» представлен на сингле здесь в двух ипостасях – в студийной и в концертной. Студия совершилась в Лондоне и немного в СПб. А концерт – тогда же был, в Капелле. Конечно, студийная запись вроде почище, однако и концертную «грязной» не назовешь. Для меня важнее всего, что я услышал на обеих сторонах сингла, новую ипостась «аквариумную», в немалой степени отличную от старой,

давно знакомой. Не только потому, что в «Фавне» звучат оркестровые аранжировки. Музыка АКВАРИУМА стала чище, пронзительнее в целом. Даже если на сцене находятся четверо музыкантов. И глубже, объёмней. Ради этого стоило столько лет двигаться дальше.

Ну а причем тут тема меланхолии, заявленная мной в самом начале? Мне представляется, что «Фавн» есть песня о том, что многочисленные и множественные меланхолические и грустно-печальные синдромы – см. начало статьи; не могут лишить нас ощущения радости от того, что мы есть.

Чтобы не происходило вокруг нас.

Стало быть, грусть – в самом деле ступень к радости.

Пангий Дон

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ: "МЫ ПОХОЖИ НА ТРЁХ ЯПОНСКИХ ОХОТНИКОВ, КОТОРЫЕ ПРЕСЛЕДУЮТ ОДНОНОГУЮ ЦАПЛЮ"

Здравствуйтесь, Борис.

— Добрый день, Анатолий.

— Борис, скажите, пожалуйста, скоро арт-центру "Пушкинская, 10" исполнится пятнадцать лет. Что вы можете в связи с этим поведать человечеству?

— Ну, я могу поздравить Пушкинскую, 10 с большим сроком существования. Пятнадцать лет - это доблестный срок, мы лично - я имею в виду "Аквариум" - очень многим обязаны Пушкинской, 10, потому что нас здесь приютили, когда на дворе была совсем другая погода. И держат нас очень много лет, больше десяти, наверное. И действительно, мы многим этому арт-центру обязаны, и огромное Пушкинской, 10 спасибо, и мы всегда рады для них играть. Они - это мы и есть. Часть их.

— Я согласен. Пушкинская, 10 - это, конечно, замечательное место. Но я бы хотел еще задать пару-тройку вопросов. Если вы не возражаете.

— Да, пожалуйста.

— Борис, скажите, пожалуйста, скоро вроде бы должен выйти в так называемый свет альбом под названием "Репродуктор". Какой это по счету альбом "Аквариума" и что узнает прогрессивное человечество, когда этот альбом услышит?

— Видите ли, Валентин, дело в том, что альбом "Репродуктор" не так скоро должен выйти в свет, поскольку мы его только сейчас записываем, и честно, Костя, скажу вам, что мы сами еще не знаем, в каком направлении этот альбом пойдет, потому что мы работаем с ним, Сережа, уже десять лет - то есть, я имею в виду, десять месяцев, и все десять месяцев он каждый месяц изменяет свое направление. То есть, мы похожи на трех японских охотников, которые преследуют одноногую цаплю.

Графика Дмитрия (Митрича) Дроздецкого

— Игорь, скажите мне, пожалуйста, насколько я понимаю, в состав группы теперь уже официально входят три исполнителя на так называемых духовых инструментах. Кто это?

— Да, Всеволод, наша группа пополнилась нашим старинным другом на трубе, другим нашим молодым другом на кларнете, и третьим нашим среднего возраста другом на саксофоне и флейте. Имя нашего среднего друга - Игорь Тимофеев, имя нашего младшего друга - Федор Кувайцев, а имя нашего старшего друга - Александр Беренсон.

— Петр, есть ли такие страны на белом свете, где группа "Аквариум" еще не выступала?

— Витя, честно тебе признаюсь, мы мечтаем сыграть на Северном полюсе, конечно. И на Южном - если он существует.

— А в так называемой Австралии выступал ли "Аквариум"? И планируются ли такие выступления в будущем?

— Понимаешь, Сань, у меня точная информация идет от ребят, которые занимаются телескопом "хабл" орбитальным. Вот с телескопа видно, что Австралии - нет.

— Странно Сережа, понимаешь, я только хотел сказать, что орбиты вообще не существует. А не то, что там Австралии...

— Борис Борисович, дело в том, что не существует как орбиты, так и Австралии. Но оттуда,

сверху, виднее, ведь недаром же в песне сказано "нам сверху видно все, ты так и знай".

— В чьей песне?

— В песне великого русского поэта Александра Пушкина.

— Он сам и музыку писал?

— Да. Он был летчиком. Испытателем.

— Вроде как и Дубровский.

— М-м-м.

— Ну что ж, наша беседа уже подходит к концу, но я бы хотел, если позволите, Виктор, задать вас еще один вопрос.

— Владислав, я не могу отказать вам в этом удовольствии.

— Собственно, может, это будет даже не вопрос, а некая констатация факта. "Аквариум" скоро будет - по-моему, в очередной раз выступать в стране под названием Америка. Сколько раз за минувшее тысячелетие "Аквариум" в этом государстве уже работал?

— Минимум в четвертый, если не в пятый. Но поскольку для нас Америка - это минимум как еще одна провинция России, то мы ездим в Америку с тем же удовольствием с которым ездим, скажем, в Белоруссию.

— Она является для вас минимум как провинцией России, потому что на концерты приходят в основном эмигранты?

— Ну, в общем, наверное, да. А что, в Америке кто-то еще живет?

— Я там, увы, не был. Может быть, когда съезжу - смогу понять. На сервере "Аквариума" есть довольно много песен, которые почему-то еще не изданы.

— Я там, увы, не был. Может быть, когда съезжу - смогу понять. На сервере "Аквариума" есть довольно много песен, которые почему-то еще не изданы. Будут ли эти песни издаваться в ближайшем будущем?

— Об этом давно идет речь, но пока я не могу сказать ни да, ни нет, но с моей точки зрения, главное сделано - они висят в Интернете, каждый желающий может их скачать, а все остальное - легко.

— Ну что ж, спасибо вам большое.

— С Богом!

06-02-2004

МАРАТ АЙРАПЕТЯН: МУЗЫКА АКВАРИУМА МНЕ ВСЕГДА НРАВИЛАСЬ

Марат Айрапетян был первым аппаратчиком АКВАРИУМА. С группой он давно уже не работает, но ему есть о чём вспомнить и что рассказать.

Когда именно, произошло твоё знакомство с АКВАРИУМОМ?

Марат: С Борькой это было отдельно и раньше, когда я перешёл на второй курс факультета прикладной математики в университете, а он учился там на первом курсе. И тогда же как раз вышел Jesus Christ Superstar и он замучил всех до смерти своей популярностью, а мы с Борькой как-то разговорились на какую-то гитарную тему и выяснилось, что и я люблю Заппу, и он тоже. Jesus Christ нам уже надоел к этому времени и мы в компании с Танькой Купцовой (уже покойной) и с Андрюшей Васильевым (тоже покойным уже) решили как-то организовать музыкальное образование населения, создали клуб и стали проводить там опросы. Ну конечно, Jesus Christ все равно всех обошел, ничего не помогло. Но по крайней мере ЗАППУ мы протолкали на четвертое место или на пятое. Ну это что касается Борьки — мы с ним с тех времён подружились и так и продолжаем.

Теперь что касается АКВАРИУМА... в один прекрасный день, в разговоре, как-то выяснилось, что у Борьки есть какой-то там групп, который

выступает хрен знает где, и вот та самая Таня Купцова, которая была чрезвычайно активна и прикрывала нас повсюду, организовала поездку по местам боевых слав или каких-то там павших героев. И в результате мы поехали не то в Зеленогорск, не тот ещё куда-то на букву З, где и перепились как свиньи и потом пошли в какой-то местный деревенский зальчик. В котором как раз, я и увидел первый раз АКВАРИУМ. Выступающий...

Так там в Зеленогорске, в клубике небольшом, мы тогда и репетировали...

Марат: Ну не знаю, может и репетировали, но это было полноценное выступление, вроде как танцульки... Поскольку я уже был тогда в сильном подпитии, то уже очень плохо помню, что там было, но помню как я тебя увидел. Ты сидел за ударными, задрал штанину и у тебя была здоровенная волосатая нога. Хорошо волосатая.

С тех пор волос у меня не стало меньше. На ноге.

Марат: А я тогда редко видел волосатые ноги, потому что в Петербурге армян мало, а остальные национальности не так страдают этим делом... в общем, это меня под пьяную лавочку как-то поразило. Сам «мьюзик» был тогда мерзкий, честно скажу, никакого впечатления он на меня не произвёл, пели песню «В храме Раджи Вишну» или что-то в этом роде...

Да, была тогда у нас такая песня...

Марат: Да, и это было что-то чудовищное. Может, из-за того что звук был дрянной, может потому что я подпитый был, может ещё почему... так что АКВАРИУМ совершенно никакого впечатления на меня не произвёл. Ну, а дальнейшие события такие были: через некоторое время в АКВАРИУМЕ ещё стали появляться какие-то люди, но кто это был – я уже не помню, а ты как часть АКВАРИУМА просочился постепенно к нам на факультет, в конуру за залом...

Да, конечно.

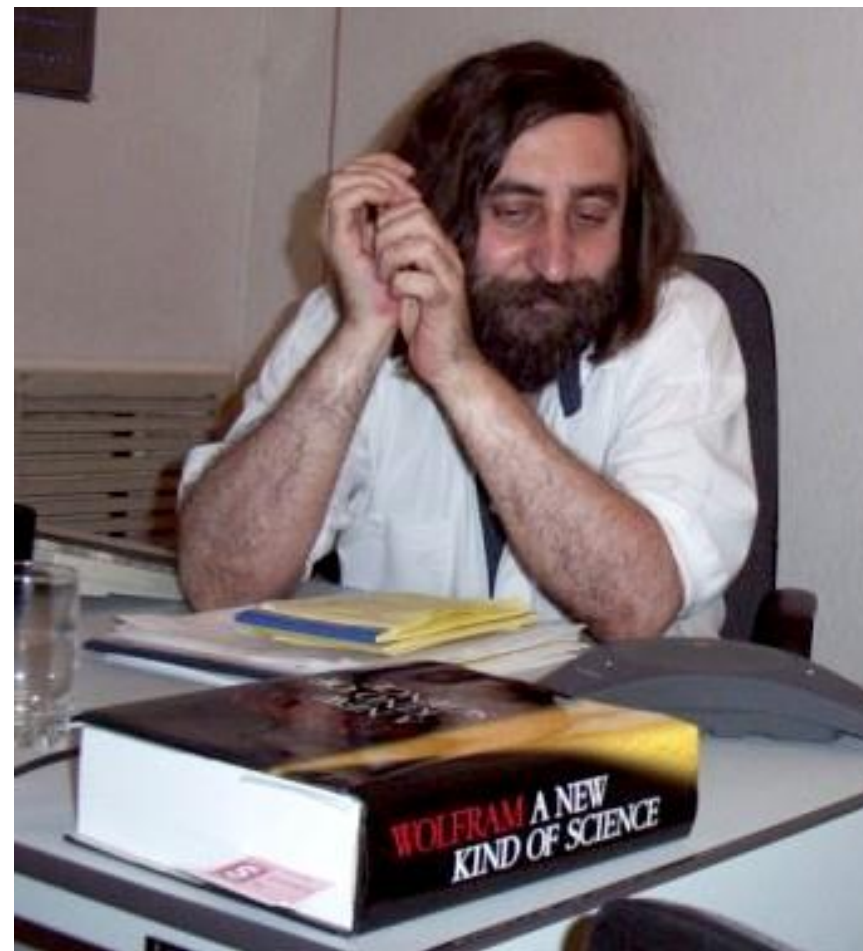
Марат: Туда собралась кое-какая аппаратура и начали записывать «Искушения Святого Аквариума». Вот так и пошло у меня с АКВАРИУМОМ

Некоторое время ты у нас считался звукорежиссёром. Конечно, в этом был момент какой-то неизбежной формальности, но всё же напомни – как долго у тебя это продолжалось и в чём проявлялось?

Марат: В основном мои обязанности заключались в том, чтобы вовремя включать и выключать магнитофон, соединяя его шнурами с усилителем и прочими штуками – это раз, паять, когда что-то отпаяется – это два... в общем, создавать атмосферу звукозаписывающей студии... ходить, махать, ещё что-то делать.

Ну, а к концертной деятельности ведь ты уже имел не очень большое отношение. Да её ещё и не было особенно.

Марат: Ну да, концертной деятельности ещё как таковой не было, ну на акустических концертах звукорежиссёр вообще был ни к чему, на электрических бывало по-разному, вот в Тарту я ставил аппаратуру, потому что всем было лень, в Архангельске я с местными ребятами, потому что аппаратура их была, они её выкатывали, – приводил её в порядок, ставил, включал и так далее, а вот когда в какой-то школе был вечер, то мне там больше пришлось работать не как звукорежиссёру, потому что мне нужно было чинить динамики, от которых отпаялась какая-то дрянь, и потом запаивать – очень долгая история была, или когда у нас появился скрипач, Коля Марков, но у него все штекера были неправильные, а он не давал их перепаявать, потому что аппаратчиков боялся, и я его

долго убеждал, чуть ли не угрожая по роже ему съездить, чтобы он мне дал сделать все, что нужно, обещая клятвенно, что я все перепаяю обратно, если ему не понравится. Перепаял. И он включил, поиграл, минут пять, наверное, а потом сказал – перепайвай обратно и я уезжаю назад туда, с кем я буду опять вместе играть.

Но потом, через несколько лет, ты вернулся назад, в Ереван. Так что твоё пребывание на питерской земле не было таким уж долгим...

Марат: Я уехал в 1979 году в Ереван, потому что я там родился и там был мой дом.

Естественно. Но всё же ты уехал и вот как потом ты наблюдал за творчеством АКВАРИУМА? Слушал ли новые записи, новые диски? Была ли у тебя какая-то связь с группой?

Марат: Значит, дело дальше обстояло так... Борька присылал мне все свои произведения, всё, что он записывал, он присылал мне на кассетах, мало того, весь этот период, он писал мне письма, практически каждый день...

Каждый день?

Марат: Каждый день. На что его тогдашняя жена Людка удивлялась и говорила: «Борька, почему ты Марату пишешь каждый день, а всем остальным не пишешь вообще никогда?»

Для меня это просто сенсация!

Марат: У меня огромное количество его писем этого периода, которые когда мы умрём оба, я опубликую. В смысле оставлю опубликовать. Так что в этом смысле мы связь поддерживали, ну плюс к тому, я в Петербург приезжал на несколько дней, он приезжал в Ереван на денёк-другой...

Он в гости приезжал или чтобы поиграть с группой?

Марат: Он приезжал в гости, без всякой группы, с женой и у нас он поиграл под запись. Мы поехали туда, где у нас скалы и пещеры, и там он играл и спел «Серебро Господа моего», а мы записывали. Но потом эта запись пропала... к сожалению. И вот такое наше с ним общение продолжалось довольно долго, все восьмидесятые годы. Потом уже появилась электронная почта, ну а в последние годы стали опять встречаться.

Где и каким образом вы стали встречаться? Я знаю, что ты вроде бы в Питер приезжал один раз, и я был очень разочарован, что мы с тобой тогда не повидались.

Марат: Когда я приехал тогда, я не знал, там или нет, и вообще не знал кто и где, но зато я узнал, что у Кати Рубекиной день рождения, и я поехал туда, поздравил Катю, а потом и Боб

подъехал, и мы с ним посидели, приятно поели, поговорили о том, о сём, зашли в клуб, где должен был быть Севка, но он, как выяснилось за пятнадцать минут до этого куда-то укатил и я Севку не увидел. А Борька приезжал в Ереван, сначала на юбилей Дживана Гаспаряна выступать, но тогда нам не удалось пообщаться, а потом уже он приехал с АКВАРИУМОМ. Это было полтора или два года назад. То есть мы продолжаем общаться, но пока встречаться не очень получается. Однажды мы пытались как-то в США встретиться, но не удалось пересечься, потому что он был на Восточном побережье, а я на Западном.

Что ты думаешь о музыке АКВАРИМА, о её развитии на протяжении последующих и уже последних десятилетий? Вопрос, конечно же, очень объёмный... ну тогда дай ответ хотя бы в общих чертах.

Марат: Я тебе так пунктирно скажу... Музыка АКВАРИМА мне всегда нравилась, сначала мне нравилось то, что происходило, когда я был рядом. В восьмидесятые, мне нравилось то, что он мне присылал, и ещё заметно было, что резко улучшилось качество звука и качество исполнения. Потому что, как ты помнишь, АКВАРИУМ всегда был в некотором смысле бардачной группой – тексты и мелодии хорошие, но исполнение всегда жуткое. Потом, в девяностые годы, АКВАРИУМ мне разонравился... Всё что называется «русский период», все эти «Государыни» и прочее – всё это было мне абсолютно неинтересно, никакого удовольствия я не получал от этих дис-

ков. А потом опять АКВАРИУМ стал мне нравиться. Всё дальше и дальше, и последние записи и вовсе меня радуют.

В общем, несмотря на годы и бессистемное общение, в итоге ты остался верен группе, с которой тебя всегда очень многое связывало.

Марат: В общем, да. Хотя я с удовольствием слушаю и другие разные музыки.

Ну да, это понятно, другого очень хватает. Было бы тупостью полной торчать только на чем-то одном.

Марат: Знаешь, в контакте есть какие-то группы любителей и поклонников АКВАРИУМА, которые меня поражают той самой тупостью, о которой ты говоришь.

Ой, не говори... поклонники, любители, адепты... хрен знает, чего и кого там только нет! Что делать, людям хочется как-то быть близкими ко всему «аквариумному»! Ну, например, Боб давно не может просто пройти по улице. Но Невскому, например. Это просто нереально! То есть, пойти-то он может, конечно, однако человека сходу начнут доставать или насиловать, тут же на улице. Вот он мне однажды рассказал, что пошёл как-то гулять ночью по Фонтанке – и то начались наезды поклонников. Ночью, белой ночью! Или вот, например, не так и давно, была выставка его фотографий и картин на Пушкинской, 10. Было, конеч-

но, море народу и всех, разумеется, интересовала эта грань его творчества, но всё равно, самый градус общей реакции был полон такой особенной и специальной околоаквариумной патологии, но, понимаешь, Марат, процесс это такой вроде как уже и неизбежный, и деваться от него некуда.

Марат: Да, это уж понятно...

Но вот теперь, насколько я могу судить, интервью он перестал давать, что и неудивительно,

но творческие музыкальные действия и планы остаются у него прежними, только они немного изменили свой ракурс, что и приятно, и здорово.

George

Май 1978. Концерт на Неве за Смольным. Фото Вилли Усова

АЛЕКСЕЙ ЗУБАРЕВ : ОЧЕНЬ СТРАННЫЕ ВЕЩИ СТАЛИ ПРОИСХОДИТЬ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА

Сначала мы стали разговаривать с гитаристом АКВАРИУМА Алексеем Зубаревым про кино, о кинопроизводстве, о его участии как композитора в создании многих фильмов

В своё время мы с тобой уже говорили о твоей кинодеятельности, это было очень давно – лет сто или лет пятнадцать тому назад...

Алексей: Или сто пятнадцать.

Да, что-то вот такое... Но как я понимаю, твоя кинодеятельность и теперь весьма активно продолжается. В каких формах? Это сериалы, игровые фильмы, детская музыка, инструментальная?

Алексей: Это и сериалы, и видовые, и документальные, и сейчас всё это настолько развилось, что я понял – один уже работать не могу и мы начали работать с Колей Бичаном. Наверное, это началось ещё до двухтысячного года. Я тогда оказался один и не умел на компьютере ничего делать, я даже включать его не умел. А до этого я работал с Никитой Ивановым-Номаном, он делал всё, ну а я считал, что моё дело – это нотки и инструменты, а его – нажимать кнопки и заниматься звукозаписью, он очень хорошо умел помогать с аранжировками, с оркестровками, очень ценный человек, но в какой-то момент он

решил действовать самостоятельно и я оказался у разбитого корыта.

Всё это очень здорово и интересно, но я не стану скрывать, да ты это и сам знаешь, что тема моего разговора будет иметь отношение не к кино, а к несколько другой области жизни твоей. И снова вспоминается мне, и тоже это было много-много лет назад, когда после некоего концерта группы под названием АКВАРИУМ в «Юбилейном» тебя выступить не позвали...

Алексей: Да...

И ты тогда был жутко обижен, и ты ругался, и я помню твоё злобное интервью, в котором ты проклинал АКВАРИУМ, и немало ругался... Получалось, что для тебя тогда была поставлена такая чёрная черта в жизни.

Алексей: Ну да, тогда мнений разных было много и я думаю, что даже был прав, хотя мог и переборщить тогда с руганью, что было, в общем-то, наверное, зря. До какого-то момента я очень сильно был уверен... мы все такие интеллигент-

Фото Ольги Визави

© olga visavi

ные и очень этичные люди, которые ежели что и совершают, то, по крайней мере, это обговаривают. Мы, наверное, имеем тенденцию сейчас быть такими, и мы можем быть такими...

Сейчас-то иногда уже и в силу возраста.

Алексей: (смеётся) Главное что, понимаешь, что столь многое на самом деле не так уж и важно. Есть такой момент... когда ты расстаёшься в женой... «хорошо дорогая, иди, только скажи честно... не нужно устраивать, никаких эквивокв...»

Ну, аналогия, наверное, близкая, хотя местами спорная, но сколько же лет длилась твоя «аквариумная пауза»?

Алексей: С 1997-го до 2013-го. Пятнадцать полных лет, даже больше.

За эти годы ты хоть как-то наблюдал за деятельностью АКВАРИУМА?

Алексей: Вообще не наблюдал. Я могу сказать, что, наверное, не вспоминал вообще, и при этом как-то удивлялся, что у нас случались перезвоны с некоторыми людьми – и с Борей, и с ребятами, и общались мы при этом совершенно приятно, и Суротдинов записывался у меня, и Щураков тоже записывался у меня.

Тогда расскажи, как свершился твой теперешний «аквариумный» ренессанс?

Алексей: Во-первых, очень странные вещи стали происходить за последние два года.

С кем?

Алексей: Вот со мной. В плане того, что я одиннадцать лет не был на концертах АКВАРИУМА. Да я вообще на них никогда не ходил. Если уж меня зовут на юбилейный концерт АКВАРИУМА, то я подразумеваю, что иду играть. И вот, однажды, мне позвонила Катя Рубекина, администратор, а я её знаю дольше, чем она работает в АКВАРИУМЕ, и спросила меня, не хочу ли я зайти на концерт. И я зашел, и это оказался концерт, когда впервые играл Титов после возвращения из Англии. И когда впервые вернулся Гончаров.

Какой это был год?

Алексей: Наверное 2007-й или даже попозже... И я как-то... чего ж, думаю, зайду. И она мне билет дала и я сел в зал. И меня Катя спрашивает потом: «Как дела»? А я говорю: «Как было, так и было»; Титов на сцене, Гончик за пультом, я узнаю некоторые свои соло, которые переигрываются в некоторых вещах и было сыграно несколько песен из того периода, когда играл я. Потом мы стали общаться с Сашкой Ляпиным, какие-то концерты с ним играть, а до этого мы с ним никогда вместе не играли, потом Сева пригласил – давайте поиграем вместе с Ляпиным, потом Файнштейн, потом ещё кто-то, и получилось, что за последние годы я поиграл по отдельности с разными людьми. Не говоря уже о том, что и с Щураковым, в его проектах я не играл, но в моей музыке для фильмов он записывался достаточно много. Я вдруг начал ощущать всех людей, которые вроде бы как бы из АКВАРИУМА, что каждый из них самостоятелен и исчезло это старое ощущение, что ты имеешь дело

с конкретной группой. Ты общаешься с разными людьми. И я перестал воспринимать это как какую-то тусовку вокруг группы, есть набор совершенно самостоятельных людей... Есть Борис Борисыч, есть Сева Гаккель, есть Ляпин, Файнштейн, есть ты, и у каждого из этого пучка выросла своя ветка. Я даже когда с Борисом общаюсь, то у меня возникает ощущение, что это другой человек. И как-то мы сидели, репетировали, играли какую-то старую аквариумную вещь, хотели её инструментально сыграть и вдруг Сева, который всегда такой принципиальный и играет до конца, остановился и говорит: «Слушай, а наших там больше, чем здесь».

Что он имел в виду?

Алексей: А я так понимаю, что людей, игравших в АКВАРИУМЕ, очень много, целый состав. И он своими словами где-то подвёл черту, потому что всё, ты не воспринимаешь это как какую-то тусовку, пусть и в хорошем смысле – клубную или рокерскую, нет, она уже стала совсем другой. Боря – да, понятно, что он легенда, и он другого масштаба, но ты не можешь думать о том, что это человек – легенда, когда идёшь с ним на сцену, ты играешь просто с партнёром. И что вот этого партнёра я знаю, что он прочный и всегда идёт до конца... И что это человек, который делает. И есть многие музыканты, с которыми я могу выйти играть на сцену. Не иду я играть только с теми, в ком чувствую слабинку и неуважение к партнёру. Или он не до конца идёт, вроде бы как ему и хочется сыграть концерт, но вроде и не хочется и он сдаться готов.

Фото Ирины Кулаковой. Театр-Концерт ВАМПУКА. www.vamputka.ru

Первый раз после многолетней паузы, я увидел тебя на сцене и услышал как ты играешь во время второго концерта весеннего во дворце Белосельских-Белозёрских, и я был в самом деле в хорошем смысле потрясён, тем как ты играл и что даже в давно знакомые мне аквариумные песни ты внёс свои, индивидуальные элементы исполнения, которые в самом деле сделали эти композиции, их звучание, ещё более удачным и эффективным.

Алексей: Дай Бог.

Ну и потом всё это стало продолжаться, и были концерты и туры. Но вот сейчас у группы немножко другая стадия...

Алексей: Да, мы все так это и воспринимаем. Вот Боря руководит своей жизнью и фактически, это всё и есть его деятельность, его концерты. Если он хочет записаться с пятью музыкантами в Англии или с тремя в Японии, то есть это ровно то, как если я хочу сделать какое-то своё кино.

Ты так часто говоришь о кино о «своём кино», что поневоле возникает ассоциация, что ты кинорежиссёр.

Алексей: Ну это как-то естественно происходит. Когда ты годами в этом живёшь, у меня за последние годы, начиная, с 1997-го, вроде и не было меньше двух-трёх проектов в год. Причём параллельно. Живёшь постоянно в этом мире кино и из-за этого я людям и говорю, что не могу вписываться в концертную работу, потому что я вас подведу.

Но с АКВАРИУМОМ-то вписался?

Алексей: Я вписался, потому что... в общем, тут была такая, конечно, хитрая ситуация: потому что в тот момент, когда после долгой паузы два режиссёра, два моих друга, Карандышев и Вилединский вдруг сказали мне, что кино запускается, и они сказали мне это в один день, я в ужасе, что у меня два фильма... я вышел на улицу погулять с собачкой и в этот момент звонит Боря и говорит «давай сыграем пару концертов». Я ему честно выдаю, что у меня два фильма и я их бросить не могу...

Насколько я знаю, Боб таких вот отговорок не принимает...

Алексей: Я понимаю, что он не может их принимать... ну, он говорит «это же не круглые сутки, это же не вечно». Я говорю: «ну конечно, пару концертов сыграем». Хотя я уже понимал, что парой концертов не обойдётся, что эти два превратятся в большее. Но с другой-то стороны, я же

понимаю, что он не на сто процентов уверен во мне, потому что не играл со мной пятнадцать лет. И откуда он знает, что будет...

Я так полагаю, что после серии концертов последнего периода он стал уже более, чем уверен в тебе.

Алексей: Опять же проблема! Я два последних концерта отыграл двумя пальцами!

Почему?

– Зубарев: У меня отнялась рука! Вот я лечу её сейчас, мы все уже в том возрасте, и всё что угодно может быть... Сейчас, конечно, это наглость говорить, но дело в том, что действительно в силу обстоятельств, в силу смертности людей, не так много уже людей нашего возраста осталось... если раньше для Бориса, я думаю, было принципиально, что у нас с ним есть пять лет разницы, и он по опыту чувствовал эту разницу, то сейчас эти пять лет стираются и людей в нашем возрасте способных концерттировать в общем не так много, я вот хожу к остеопату...

Ты ходишь к остеопату? Я тоже!

Алексей: Да, позвоночник – это дело такое!.. Я же сижу на концерте тоже не просто так, не только из-за педали, не могу стоять, я не могу выстоять теперь два часа концерт. Вот теперь можно вроде так по-хамски заявить, что вот нас уже так мало осталось, в этом есть определенное хамство, но в этом есть и правда, и к тому же мы стали умнее... я прекрасно помню, что когда я занимался кино в 1995 году, то для Бори это

всё было как красная тряпка... мои проекты, проекты шураковские... мы отвлекались, мы что-то ещё делали, понятно, что мало кого радует из лидеров когда музыканты занимаются ещё чем-то, но я даже знаю, что и ему приятнее работать с самостоятельными людьми. Да, все мы стали уже более самостоятельными и у нас есть возможности работать... да, невеликие, у нас нету больших студий и колоссальных оборотов, да и ему, я уверен, приятнее работать с теми, кто что-то ещё может сделать сам.

Ты сейчас уже несколько месяцев после солидной паузы, проработал с группой, каковы твои ощущения от состава в целом, от новых песен, от старых песен в новом звучании, от саунда и даже от АКВАРИУМА как явления музыкально в нашем мире. Как реально действующий музыкант, что ты можешь об этом сказать сегодня?

Алексей: Вот у меня теперь все время в башке вертится и это с первого дня, как мы поехали... я, конечно, поехал, волнуясь, но и достаточно спокоен был; конечно, всё равно есть какой-то легкий мандраж перед любым выступлением. Но при этом я был во всех этих людях на сто процентов уверен и все это происходило совершенно ровно. Меня немножко удивляло, по хорошему, я и не ожидал другого, но меня всё равно это удивляло – что Борис умеет поддерживать, создать новую атмосферу, сделать её позитивной, у него существует количество наработок, когда, например, вдруг приезжает флейтист, и я понимаю, что у них уже есть своя очень накатан-

ная линия, очень интересная. Потом появляются ещё духовики – там ещё одна линия, и тогда я понимаю, что у него всё это время шёл процесс. Да, он может быть где-то поменьше песен писал, возможно новые песни вторичны по каким-то признакам, но процесс всё равно у человека идёт и он всё время в нём находится. И это – редкая штука! Никакой душевной лени нету ни на секунду! Можно обсуждать, можно спорить, кому-то не нравится, что у него голос сел, что он уже хрипит... Ну будет тогда хрипеть как Джо Кер, это совершенно неважно, у человека есть посыл, и никакого сомнения в том что он делает у тебя нет ни на секунду. Мы идём на сцену и мы чувствуем – есть желание с этим человеком работать... Естественно, мы в данной ситуации работаем не на первом плане, но при этом все уже знающие и играем с ним достаточно давно, и мы все прекрасно понимаем, где нужно проявляться, где смелее нужно играть, где аккуратнее, как нужно играть новую вещь и как следует играть песню старую, где нужно поосторожничать... всё-таки опыт своё дело делает и пусть где-то не хватает иногда первого порыва, зато ты имеешь набор решений, и если не работает первое, второе и третье, то работает четвёртое. Все достаточно опытные люди и эти четыре человека, даже если им не называть тональность и не говорить какая вещь, то они всё равно не остановятся и не растают на сцене, и не растеряются. Потому что все эти люди выходят на сцену для того, чтобы играть, для того чтобы работать с партнёрами.

Но самое ценное, что публикой всё это по-прежнему воспринимается на ура!

Алексей: Да. Но я считаю, что тут на девяносто девять процентов успех весь Борин, ну а наше дело – как бы не провалить игру, вовремя почувствовать в какую сторону он двигает и соучаствовать в этом чуть больше, чем на один процент. Не бояться проявляться самостоятельно, но при этом понимать, что есть специфика определённая, не надо забывать, что есть определённое восприятие этой музыки и этой культуры, и если мы сегодня вчетвером не можем показать тот полный набор звучания, который отзывался бы в душе старых аквариумистов, нужно и в его сторону сделать определенный реверанс. Мне сейчас с Борисом играть в сто раз легче, чем прежде.

И интереснее, наверное...

Алексей: И интереснее! Потому что у меня за эти годы чисто композиторский опыт накопился, и уже, слава Богу, я перестал к своей музыке относиться дико ревниво. И относишься к ней как к материалу, и уже понимаешь, как её надо кромсать, и поэтому совершенно не боишься пауз, молчания и вот что здесь вот можно пойти по пути совершенно третичного-вторичного, уйти на двадцать восьмой план... то есть ты работаешь, как человек, имеющий опыт композиционный. Но при этом ты

Фото Жени Глюкк. Театр-Концерт ВАМПУКА. www.vampuka.ru

можешь и расслабиться, и поиграть совершенно свободно, как гитарист оторванный или как гитарист в ансамбле. Это уже сейчас стало многое возможно – есть персонал и звук, может быть он не идеальный, но за ним следят. Мы же работаем по-сырому, по-живому.

Мог ли ты представить себе много лет назад, когда начал сотрудничать с АКВАРИУМОМ, что когда-то, на каком-то витке времени, эти вещи, про которые ты мне сейчас говоришь, станут реальными и что это будет на самом деле происходить, и что станет не то чтобы легче, но как-то более совершенной работать, ну и что все это вообще возможно в наших условиях? В российских, в питерских, в «аквариумных»? И себя в такой ситуации?

Алексей: Нет, я представить даже не мог, я мог бы об этом только мечтать, наверное, я очень рад, что так вот все происходит, я каждую секунду радуюсь этому! Слава Богу, что судьба подарила тебе такие месяцы и такие годы, когда ты имел шанс сыграть не два концерта в месяц, а пятнадцать или десять. Это всё-таки уже организация. Понятно, что это не филармония, это просто такой нормальный подход к организации дела, и что это серьёзный дух серьёзного человека... со своими «аквариумными ляпами», потому что АКВАРИУМ не был бы

АКВАРИУМОМ, если бы мы где-то там чего-то не пропустили... но и это все совершенно нормально.

Но ведь и многие «ляпы», ежели они и есть, они как бы не локальные «ляпы», они такие производственные...

Алексей: Они могут быть и производственные и локальные, понятно же, какова атмосфера в группе, что она заряжает и техников.

Атмосфера в группе тогда и теперь?

Алексей: Мне кажется, что все стали и добрее, конечно, и позитивнее. То есть все больше радуются тому, когда что-то происходит правильно, и более сконцентрировано стараются преодолеть какие-то проблемы если они есть. Даже минимальные. Но ведь все – уже опытные люди, которые понимают, что у всех есть очень субъективный свой взгляд, и все хотят, чтобы у каждого его субъективное было соблюдено, и чтобы всё это работало, и при этом мы все понимаем, что какую-то мы все вместе делаем штуку, и что каждый в неё вкладывается. И это влияет, и понимание уже появилось. Я иногда наблюдаю у музыкантов помоложе, которые приходят – есть это ощущение, что вот я пришёл, и что я вот буду тут первый и главный... часто наблюдаю, как у молодого человека такое мелькает, и это не минус, это плюс, но при этом он немножко идёт не в резонансе с людьми, которые... ну в общем-то мы тут свою музыку уже нашли...

И что другой дороги-то уже нет.

Алексей: Другой-то нету, да. Я же прекрасно понимаю, что это не тот былой взрыв момента выхода АКВАРИУМА в мировое пространство, совершенно не тот. Мы уже идём по какой-то дороге, пытаюсь сохранить вещи, которые идут и участие моё, и каждого из нас – оно такое: сколько ты можешь столько ты и делаешь. И ты никогда не сделаешь больше, чем тебе будет дано здесь, но тут халявить нельзя, то есть это твоя роль, рамки пусть и небольшие, но ты можешь и это просрать, если будешь неправильно действовать, а можешь испортить тем, что будешь перехлестывать. В девяностые годы многое происходило с невероятным перехлёстом, я хуже знаю, естественно, тот период ранний, вот перехлёсты я помню, как Дюша говорил на каких-то репетициях... И Сашка Ляпин тоже... вот эта атмосфера перехлёста, она явно была и в раннем АКВАРИУМЕ, и в девяностые годы, когда каждый пёр со своим пониманием АКВАРИУМА до беспредела вперёд. Я, может быть, чуть раньше других стал заниматься композиторско-организационной работой по своей музыке, я играл с разными авторами и чуть-чуть тактичнее старался сотрудничать с другими музыкантами. Серёга Щураков очень тактично это всегда делал, невероятно скрупулёзно, понятно, что тоже самое было и у Севки, но он всегда немного перехлёстывал со своей въедливостью. Щураков, я думаю, был фактически таким идеальным музыкантом, но чуть меньше был импровизатором, наверное, что всегда в АКВАРИУМЕ требовалось. Хотя и умел. А вот я всегда старался чуть – чуть мягче это делать, у меня было своё представление, я его высовывал, но я сначала очень реаги-

ровал болезненно, но потом, как композитор, понял, что нужно вовремя врубиться, где ты правильно предлагаешь и когда ты невовремя это делаешь. Что вот сегодня просто не тот момент и что группа есть группа, при этом надо понимать, что мнение Бори оно весит как минимум два голоса. Хотя группа – это живой коллектив и каждую секунду может произойти что угодно. Но и возраст. Возраст. У людей есть опыт и они работают. На гастроли ездят уже дедушки, Гончик ездит с ребёнком, Рубик бегаёт по утрам, люди занимаются фитнесом, я пишу параллельно музыку, перед концертом сижу, Боря пишет свои передачи, иногда на ходу, чуть ли не в автобусе, Рубик эти передачи монтирует, потом мы ещё смотрим концерты, смотрим вместе кино, мы ещё выпиваем водку, но при этом если в семь утра надо ехать – значит в семь утра надо ехать, а если в семь вечера мы играем концерт, то мы играем концерт и его надо играть с удовольствием и отчётливо. Все умеют это делать, и играют, слава Богу, более – менее уже научились.

Беседовал George Гуницкий

СВЕТ АКВАРИУМА

Часть 1

МАРК БРИКМАН: Я ПОНЯЛ, ЧТО ЭТО МОЁ

Совсем не в каждой группе есть художник по свету. Наверное, не всюду нужны специалисты такого рода. Однако в АКВАРИУМЕ уже давно творит свои чудеса персональный мастер света. Без него теперь просто невозможно представить полноценные выступления легендарной группы. Это Марк Брикман, известный в аквариумном кругу следующим своим высказыванием: «Командовать здесь будет один человек, и это – я».

Публика не видит Марка и не думает в большинстве своём про световые чудеса, стабильно сопровождающие концерты АКВАРИУМА. Однако почему бы не взглянуть на творчество группы в необычном ракурсе, да ещё с помощью самого Марка?

С каких пор ты стал сотрудничать с АКВАРИУМОМ?

Марк: Это я помню хорошо. Октябрь 1993 года. Голодное время... то есть просто как волк рыскал в поисках всяческих работ, но никаких работ нигде не находилось. И тут мне позвонил Миша Гольд, тогдашний директор АКВАРИУМА – а знакомы мы с Мишей были по бане – и предложил поработать – четыре концерта в Питере, четыре концерта в Москве, и мы с ним договорились, что эти восемь концертов я как бы отработываю,

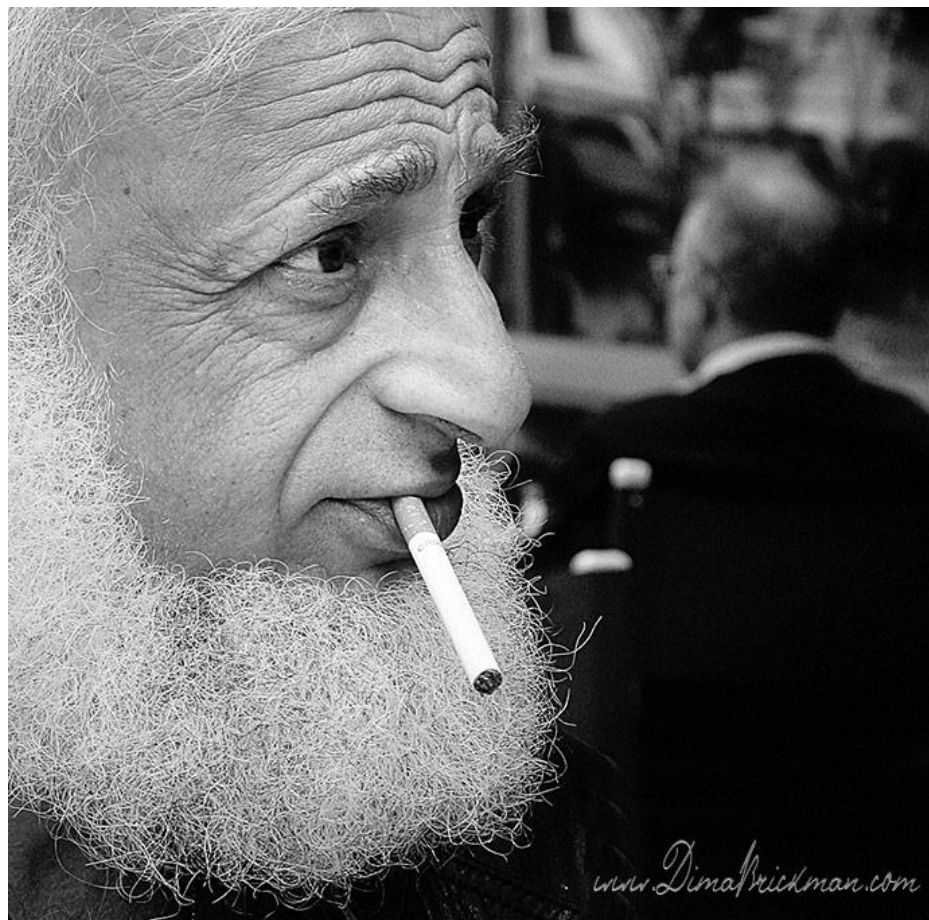

Фото Дмитрия Брикмана. www.dimabrickman.com

а потом уже решаем окончательно, гожусь я или не гожусь. Ну, после первых четырёх питерских концертов я понял, что это моё... то, что происходило в группе; то, по чему тосковало моё сердце – я нашёл и сказал, что «Всё, я – ваш!».

До этого времени АКВАРИУМ тебе был знаком, как таковой, или очень приблизительно?

Марк: Дело в том, что у меня нет слуха. Вообще. А до того я не только не интересовался совер-

шенно не только рок-н-ролом, но и вообще музыкой. Так только, послушать иногда там что-то... знал, что вот есть такая группа, что есть Гребенщиков и песня «Город золотой». Вот и всё моё образование в этой области. Я просто не понимал, что происходит на концертах. Я что-то такое делал... всё-таки профессионал, четверть века к тому времени, но не понимал, что происходит. И помню, что сразу после этих восьми концертов были концерты где-то в Сибири... Они были в небольших клубах. Где со светом была просто полная ж... и я просто включал свет и вбивался в эту толпу у сцены, туда, в самую кучу, чтобы понять – что происходит? Чего я делаю-то? Зачем все это?

И понял то я, что же происходит на сцене АКВАРИУМА только на двенадцатом концерте. Это был тот самый концерт, после которого

я уже перестал считать. Это было в Рязани, зима, и в середине песни я вдруг въехал! В ощущение песни, в ощущение того, что происходит на сцене. Как только я въехал, то тут же руки зажали без меня...

Что это за песня была?

Марк: Да я уже и не помню... Но произошло тогда то, что потом произошло в АКВАРИУМЕ всего

один раз... в середине песни раздались аплодисменты – свету! Я точно знаю, что это были мне аплодисменты, и я тщательнейшим образом следил, чтобы больше такого не происходило. Потому что не должно быть отвлечения на что-то конкретное, это называется «тащить одело на себя» – есть такой театральный термин. И вот такое в АКВАРИУМЕ произошло всего один единственный раз после этого. Случайно тоже получилось... Произошло же то, что при моём слухе чрезвычайно маловероятно... я попал в долю! И тоже аплодисменты, и тоже я потом приходил к Борьке извинялся, хотя он не принимал этого категорически, он считал, что всё было хорошо, но я-то понимал, что так быть не должно.

Насколько я могу судить, ты до АКВАРИУМА был связан по работе с театром?

Марк: Да. Главное для меня, как для художника по свету, состоялось в народном театре моего родного Политехнического института, моей альма-матер. Все мои профессиональные основы – именно в этом театре. Но пришло время, когда мне сказали: «Хватит уже! Иди и займись всем

Фото Дмитрия Брикмана. www.dimabrickman.com

этим на профессиональной сцене!». К тому времени театр Политеха как раз заканчивал свою жизнь и с 1988 года я профессионально занимаюсь светом. Я поработал во многих театрах Питера.

В какой степени на твой взгляд то, что ты делаешь как художник по свету в АКВАРИУМЕ, получается адекватным тому, чего бы ты сам хотел в результате?

Марк: Адекватность – это, на мой взгляд, главное требование к моей работе. В принципе. Быть адекватным тому, что происходит на сцене. На этом строится всё! Вот вся моя работа, её генеральный принцип – это как раз адекватность. Насколько все получается адекватным, сам я сказать не могу, но стараюсь быть адекватным на сто процентов. Как правило, мне это удаётся.

Но, наверное, многое зависит от технологических возможностей... Они ведь всюду разные. Одно дело – западные страны или российские города... Или хорошие концертные залы и не очень большие клубы...

Марк: Вот на это и есть мастерство. В таких случаях я обычно говорю – «Борисыч распиздяев не держит. У него каждый в своём деле хороший специалист». И я в своем деле – тоже. Один из параметров мастерства – это как раз умение сделать из г... конфетку. То есть в зале, оснащённом скромно, создать максимальную степень адекватности тому, что происходит на сцене.

С 1993 года ты постоянно работаешь с группой и, соответственно, путешествуешь с ней по всем городам и странам.

Марк: Да, так оно и есть. Я всегда с группой. Ну меня не было только, когда на операции валялся... Ну а так – всегда.

Любопытна твоя точка зрения на эволюцию АКВАРИУМА за те годы, которые ты его наблюдаешь?

Марк: Вот насчет эволюции тут сложно... Тут я, боюсь, ничего не смогу сказать... Я не замечаю эволюцию... Эволюция – это как я понимаю – это куда-то направленное движение, да? Так вот куда оно направлено, это движение, я не вижу абсолютно, не понимаю и самое-то главное, я даже и не хочу этого понимать. Что для меня стало одним из главных критериев ценности АКВАРИУМА? Постоянство и непостоянство. Нету никакого шаблона. Нету никакого – «Вот я вот такой! Сегодня я такой, а завтра я эдакий!». И это относится к музыке, к одежде, к составу музыкантов, в конце концов, сейчас в меньшей степени, конечно, а раньше постоянно менялось и вот это мне очень импонирует. До сих пор, в частности.

Если поговорить про аквариумные пластинки? Ты ведь их слушаешь?

Марк: Слушаю, конечно! Но с чисто утилитарной целью... Вот, например, начинается сезон и я хочу понять, что у нас в этом сезоне будет. Прихожу на репетиции, обязательно! Сажу на репетициях, слушаю и смотрю. Мне нужно въехать в ощущение того, что у нас будет происходить в этом сезоне. Потом я для себя это формулирую, вербализую, даю этому какое-то своё название. И, как правило, этим названием делюсь с Борисычем. Отнюдь не всегда попадая в то, что он ощущает.

Чем же эти дискуссии...

Марк: Нет, это не дискуссии! Это я делюсь. Также, как и Борисыч делится со мной. И с той же целью я слушаю альбомы. В том состоянии, когда они ещё только будут изданы, перед выходом. Звучание на концерте и на альбоме – они же разные. И когда у меня складывается максимально объемное ощущение, я уже понимаю... нет, не так... я до сих пор не понимаю, что я делаю, но знаю, что я делаю это правильно. Естественно, ремесло есть ремесло. Но при этом никогда нету фиксированного ничего, я никогда, как правило... не то, чтобы никогда... но в большинстве случаев я просто не знаю, что сделаю в следующее мгновение. Слава Богу, теперь меня уже достаточно хорошо знают, на очень многих площадках, и уже не пристают со всякими дурацкими вопросами, а так мне все время приходилось объяснять, что у нас нет партитур. У нас есть программа, её Борисыч пишет за десять минут до концерта. Сам пишет, сам же и нарушает.

Ты от нее отталкиваешься?

Марк: Я отталкиваюсь от ощущения. Потом я чувствую... вот сейчас наступит момент, когда Борисыч начнет лепить что-то своё в программе. Но я ничего не делаю, пока я не послушаю вступление. Чтобы убедиться, что звучит именно та песня... Как правило, я угадываю, что будет не та песня, которая есть в программе, но какая же именно будет – это невозможно угадать. Я строю организацию светового управления именно таким макаром, чтобы я в любой момент мог сделать много чего неожиданного.

Ты ведь можешь дать какой-то другой свет...

Марк: Да.

Полутона...

Марк: Да.

Изменить световую картину в целом.

Марк: Да. Да. Да. В своё время, когда я спросил Борисыча в 93-ем году, чего он хочет в принципе от света, что он себе представляет, то он сказал так: «Мне нужен такой свет, которого нет ни у кого». Это было и это остаётся одним из генеральных принципов моей работы. Но кроме того, я считаю, что в принципе у АКВАРИУМА должен быть такой свет, при котором любое движение музыканта на сцене меняет на ней освещение. У меня свет очень резкий, пятнистый, неровный, но именно как раз благодаря этому на сцене всё время происходит его непостоянство. Потому что ведь самого по себе света не видно, он виден тогда, когда он на что-то попадает. Вот скрипач повернулся к басисту – и всё, и он уже другой. И я смотрю – если у него сейчас соло, и я знаю, что вот такое-то соло он так-то играет, но вот он встал и свет будет уже не такой, то я меняю свет. В какой-то степени живость имеет место в любой группе, но считаю, что степень живости света в АКВАРИУМЕ намного выше всех остальных, опять же в силу непостоянства всего, что происходит на сцене. Свет в силу этого тоже непостоянен. Кстати, это вот причина, по которой я уже перестал совершенно работать в театрах.

Тебе надоела статика. Повторы одного и того же.

Марк: Да, совершенно точно! Я не могу больше уже... сейчас одно, но и завтра тоже самое! Да на хрен мне это надо!

Но ведь когда выступает тот же АКВАРИУМ, то нередко повторяется программа, и повторяется по песням, а иногда даже день в день, и песня за песней. Как же ты на этом фоне импровизируешь? Одна и те же песни, одни и те же звуки, а иногда и движения. Тут же ведь особенно ничего нового не придумаешь.

Марк: Склероз выручает... Я просто не помню, что я прежде делал (смеётся)...

Тогда чем больше склероза, то тем лучше для твоей работы.

Марк: Всё же хорошо в меру... Но я, действительно, не запоминаю, и мне это приятно. То есть я мог бы, конечно, запоминать... есть какие-то блоки... Например, появляется в программе песня «Плоскость». И я знаю, что на этой песне мне нужно 18 фонарей поставить нижним контровым... А «Северный цвет» я решаю в гамме такой сине-маженто-красной и там есть соло у Сура, так я делаю специальную картинку. А в другой песне было роскошное соло у Алика с Шаром и я на это соло специальную картинку строил и она вся у меня была выведена на отдельную ручку. «Мама, я не могу больше пить», например, когда эта песня появилась в программе,

Фото Дмитрия Брикмана. www.dimabrickman.com

мне захотелось сделать черно-бело-зеленую гамму. Но Борис сказал: «Нет, я хочу красную». Получи! И он получил с разных сторон разной формы и консистенции красные фонари...

Можно сказать, что твоя работа носит характер такой постоянной импровизации. Пусть и на известную тебе тему, но ты всё равно всё время импровизируешь по ходу концерта.

Марк: Точно. Вот это ты очень точно сформулировал.

Ты много где побывал с группой. Где именно тебе было проще всего работать? Проще по возможностям. Понимаю, что тебе доводилось строить свет в разных условиях, но всё же где было элегантнее всего?

Марк: Так проще или элегантнее? Это разные вещи.

Элегантнее.

Марк: Пожалуй, последние годы во МХАТЕ. А из загранич – в Женеве, там было очень много аппаратуры, но самое главное, что были ребята понимающие и готовые делать то, что нужно. То, что хотелось. И аппаратура была расположена удобно и правильно для того, что мы делали.

В каком питерском зале тебе приятней всего работать?

Марк: ДК Ленсовета, разумеется. Этот зал мне знаком всю мою жизнь. И того, что там не достает по свету, всегда есть у кого арендовать.

Поскольку АКВАРИУМ продолжает своё движение вперёд, твоя деятельность тоже будет сопутствовать тому, что делает группа. Это ведь уже стало естественной частью тебя.

Марк: Во первых, я очень на это надеюсь. Во вторых... да, это естественная часть меня, но я, к сожалению, не молодею. Просто тяжелее становится ездить. Физически тяжелее. Хотя как только я оказываюсь на площадке, то все годы улетают... фьють... и нету их! До конца концерта.

СВЕТ АКВАРИУМА

Часть 2

Уже прошло 20 лет твоей работы в АКВАРИУМЕ...

Марк: Да, это так. 18 октября исполнится 20 лет, как я работаю с АКВАРИУМОМ.

Теперь многие светорежиссёры имеют возможность работать с качественной аппаратурой, но для тебя, насколько я знаю, аппаратурная навороченность никогда не была самоцелью.

Марк: Я привык к достаточно аскетичной манере своей деятельности, но другое дело, и я не могу не сказать об этом: я строю работу таким макаром, чтобы был абсолютно живой АКВАРИУМ! То есть, любое движение музыканта, любое шеве-

ление его на сцене – оно абсолютно меняет картинку. Да, для этого мне вполне достаточно скромной аппаратуры. Ну, а ежели приходится работать на навороченной сцене, то я использую навороченную аппаратуру, но опять же в том ключе, в той концепции, которую я для себя сформулировал, причем именно для АКВАРИУМА, и которой я столько лет уже придерживаюсь. Вообще-то что касается концертов с навороченной аппаратурой: к сожалению, большинство художников по свету видят свою работу в том, чтобы зритель видел его работу. А я свою работу вижу в том, чтобы зритель хорошо видел работу ансамбля. Я никоим образом не выпячиваю себя. Два раза за эти двадцать лет у меня были моменты, когда я вылезал «за рамки» и получал от зала аплодисменты... мне. И я потом извинялся перед Борькой.

Но из-за этих вылезаний твои контакты с музыкантами не менялись, не ухудшались?

Марк: Что касается контактов с музыкантами... Контакты за двадцать лет были всякие и разные. Были и серьёзные разборки...

Такое тоже бывало?

Марк: Да, бывало. И было, что много лет назад один из музыкантов мне сказал: «или я, или ты!». Вот так даже было, так сильно он не принимал то, что я делал. Но это всё в первые десять лет моей работы происходило. Вторые же десять лет мы уже пришли с музыкантами к нормальному консенсусу. И те люди, те старые люди, как Лёшка Зубарев, которые опять вливаются обратно в группу, они прекрасно знают и понимают

отношения, которые уже существуют. Музыканты знают, что если Гончик расставил их на это место, то я на это место делаю свет. И если тот или иной музыкант хочет, чтобы его было видно и чтобы его соло произошло красиво... а я это могу делать! Да! То значит он будет придерживаться тех указаний, которые я ему делаю. Не хочет? Пожалуйста, иди гуляй! Ты же свободен, как птица! Я же никого не ограничиваю. Ну бывают какие-то моменты, там типа, что «вот этот фонарь мне светит в глаза!». Ну, конечно, я убе-ру. Вне зависимости от той картинки, которую я придумал.

Вот ты мне рассказывал, а я прежде этого не знал, что тебе было радостно, когда в группу опять вернулся Лёша Зубарев.

Марк: Да у меня со всеми музыкантами из группы тёплые отношения и дружеские, не только с Лёшей. И с Суротдиновым, и с Гончиком. Но это же и естественно, мы же давно знакомые люди... но какой-то конфронтации у меня нет ни с кем! Абсолютно! Был даже в группе музыкант, который честно и искренне не понимал, чего это я делаю. И зачем я в группе. Но тем не менее, у меня со всеми хорошие, нормальные профессиональные отношения... И даже вот тот человек, который не понимал, для чего я в группе, он подходил потом ко мне и говорил : «Мне надо передвинуться, а?». Вот такое тоже было. Отношения хорошие у меня с музыкантами.

Ты вот говорил недавно, что сейчас происходит какое-то, не то чтобы обновление группы, но вот Боб – он вроде бы работал на некоем пре-

деле, и что вот теперь этот предел как-то разрешился в позитивную сторону.

Марк: Секундочку! Это моё, сугубо личное мнение! Это мне так показалось.

Ну я же именно с тобой говорю!

Марк: Я никоим образом не претендую на какую-либо объективность.

Прежде тебе очень нравилось работать в ДК Ленсовета. Именно как мастеру по свету.

Марк: Да. Но теперь ДК Ленсовета-то нету... Там группы уже сколько лет не играют. В других клубах концерты проходят - в «Авроре», в «Космонавте».

Группа обновилась, концерты проходят. Чего, по-твоему, можно ждать от АКВАРИУМА теперь?

Марк: (очень довольно хохочет) А вот тут я тебе с совершенным наслаждением скажу, что не

Фото Дмитрия Брикмана. www.dimabrickman.com

знаю!!! Не знаю! И это меня безумно радует! Что я не знаю, каким будет АКВАРИУМ. Потому что АКВАРИУМ живой и он растёт, и во что он вырастет дальше я без понятия, George!

Сейчас мы живём в достаточно тяжёлую во многих отношениях эпоху. И для культуры вся-

ческой тяжёлую, в том числе. Многое деградирует, распадается, но АКВАРИУМ всё же сохраняет своё достоинство, свой творческий потенциал и полон энергии, сил и готов двигаться дальше. Хотя большого количества концертов вроде пока не намечается.

Марк: Ну, намечаются концерты, про большое количество не знаю, но есть... Да и что же, George? Если бы АКВАРИУМ перестал быть живым и стал бы памятником самому себе, как многие музыканты и группы, то я бы тогда просто ушёл из него. Потому что меня как раз это в АКВАРИУМЕ и держит.

А ведь ты до АКВАРИУМА вообще ни с какими другими группами не работал?

Марк: Нет, ни с какими. Я театральный художник был. Конечно, за эти двадцать лет со многими группами приходилось работать и пересекаться, но это так... это все так... В порядке развлекухи, что ли...

В общем АКВАРИУМ по-прежнему сохраняет свой потенциал и он непредсказуем. Это по-прежнему приятная тайна...

Марк: Да. Да.

В группе остаётся непредсказуемость. Что самое ценное и самое редкое всегда, и особенно в русской рок-музыке.

Марк: Да. И что радует.

George. 2013 год, сентябрь

ФРАГМЕНТ ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СТАТЬИ «ВИЛЬНЮС IN ROCK»

...Последним в конкурсной программе выступал «Аквариум». К концу второго дня аппарат стал вести себя по-нашему, с капризом; настройки затягивались, график нарушался, и в итоге «старая гвардия» появилась на сцене в первом часу ночи. Зал почтительно и терпеливо ждал, пока они настроятся.

Наши звёзды неторопливо, с подчеркнутым хладнокровием стали проверять звук: Слава флегматично ковырялся в пульте, Дюша, переваливаясь с ноги на ногу, бродил в своем углу, то исчезал за кулисами, то выходил вперёд и, картинно опираясь на стойку, строго смотрел в зал; Тит откровенно нервничал; Михаил директорствовал – подходил то к одному, то к другому; Куssуль невозмутимо стоял на месте; Ляпин прикладывал ухо к своему монитору; Боб считал в микрофон; Троценков с укором поглядывал на Славу, ожидая, пока тот займётся им персонально.

Я почему-то стал волноваться. Чудеса! Тысячу раз все это слышал, знаю их как облупленных и всё-таки дергаюсь, будто нахожусь там, рядом с ними.

Что-то назревает – либо скандал, либо исторический момент. Скорее всего, последнее с небольшой частичкой первого, ведь сезон прошёл как на одном дыхании, «Аквариум» в прекрасной форме. Но в Вильнюсе они впервые – как их примут?

Рядом сидят свердловчане. Время от времени поворачиваюсь к ним и пророчествую: «Вот уж сейчас “старая гвардия” покажет... Вот уж дело будет... Вот уж Шура выдаст, а то что это за фе-

Фото Наташи Васильевой-Халл. www.lukomorie-rock.com

стиваль – ни одной гитары приличной...» Свердловчане несколько в трансе, понимающе кивают головами.

Наконец всё готово. У микрофона ведущий, взрыв аплодисментов – началось! Сначала – старый блок: «Кусок жизни», «Дорога 21», «Капитан Африка». Те, кто знает эти песни, реагируют бурно, остальные ведут себя сдержаннее, как бы

примериваясь. Атмосфера постепенно накаливается, «обратная связь» усиливается; зал, собственно, уже «готов», нужен ещё один толчок, и... Резкая смена темпа. Совершенно неожиданно звучит акустика, впервые она включена в электрическую программу.

...«Аделаида» – плавный переход назад к электричеству, в финале песни выходят Ляпин и за-

вершает её красивейшим нежным соло. Вильнюсцы хлопают, но как они могут оценить всю прелесть этой коды, кто мог представить полтора года назад, чтобы Ляпин согласился выйти в финале на пять секунд! Теперь – другой расклад, былой конфронтации нет и в помине.

Заканчивался концерт под большой «бис». Не слишком многочисленная когорта фанов активизировалась, они плотно окружили сцену и скандировали, это вкупе с музыкой гальванизировало остальных. Экстаз нарастал. Неожиданно камерный «Город», все потрясены; медленно начинает раскручиваться «Рок-н-ролл мёртв» с Ляпиным в главной роли, и «старая гвардия» разыгрывает свой коронный номер по всем правилам искусства...

Фактически концерт «Аквариума» оказался генеральной репетицией перед ленинградским фестивалем, они «размяли» новые песни, проверили на практике принцип синтеза. Приз, полученный группой в Вильнюсе, – за неустанный творческий поиск и самобытность стиля – равнозначен Гран-при в Ленинграде, всем было ясно, что выступление «Аквариума» стало гвоздём программы, главным событием «Литуаники». Дома, конечно, принимали теплее, – и неудивительно, без своей публики, любящей и знающей, триумф 31 мая не смог бы состояться. Тем ценнее успех в Литве, где «Аквариум» выступал первый раз. Я внимательно смотрел на лица зрителей – у них были просветлённые лица людей, познавших настоящее откровение!

Разная музыка звучала на фестивале – хорошая и плохая, современно-электронная, эстрадизированная, тяжёлая, но в этот вечер всё забылось, показалось плоским и поплёкшим по сравнению с цельным, зрелым и, главное, выстраданным

мейнстримом. Они выстрадали эту музыку, они шли к ней долгие-долгие годы, они боролись за неё, и за каждый такт своего полуночного концерта они заплатили по самой дорогой цене.

И поэтому мне непонятно распространённое в последнее время мнение об успокоенности музыки «Аквариума», об излишней обкатанности и проч. Похоже, кого-то просто стала раздражать стабильность группы, причём просто так, без каких-то особых причин. Я не слышал ещё ни одного серьёзного аргумента против «Аквариума», никто не утруждает себя доказательствами, а если таковые имеются, то выглядят крайне беспомощно.

Дело, видимо, в том, что рокеры, будучи всего лишь одной из разновидностей рода человеческого, а вовсе не сверхлюдьми, наделены, как и прочие двуногие, самыми обычными слабостями и глупостями.

Быстротекущий Хронос (время то есть) иногда сильно способствует обострению этих заболеваний. И тогда происходит вот что: раз «Аквариум» – лидер, раз валяются на него как из рога изобилия всякие Гран и просто призы, значит, всё не так, обуржуазились наши кумиры, пора свергать их с престола. «Аквариум» стали обвинять в абстрактной философичности и оторванности от родных реалий. Однако метафоричность, обобщённость всегда были свойственны БГ как поэту; он очень редко пользовался конкретно-натуралистической манерой текстосложения.

У него своя индивидуальная метода, и именно в ней – главное достижение его творчества.

Гармония мира не знает границ,
Сейчас мы будем пить чай.

Какой скачок! Чай и мир! Чаепитие происходит в обычной комнате, но эта комната – полноправное звено в круговороте мировой гармонии. БГ ощущает её и напоминает о ней нам, потому что всё – и малое и большое – взаимосвязано, и одно не существует без другого. Как часто мы забываем о духовных истинах, стремясь к сиюминутному, будто бы реальному...

Он всё больше и больше стремится петь о метаморфозах духа, ведь в самом деле, «небо становится ближе с каждым днём».

Такое видение мира отнюдь не является всеобщей нормой и не исключает другие способы художественного познания. Главное, чтобы они были убедительны. Из истории мы знаем массу примеров, когда молодые музыканты отвергали опыт маститых предшественников и революционизировали музыку, их самостоятельные творческие акции изменяли и расширяли представления о роке. Некоторые же из наших «новаторов» умеют только отвергать, а создавать они ещё не научились. Правда, реальная действительность легко опровергает потуги болтунов и досужие разговоры, ставя всё на свои места.

Вильнюсский концерт «Аквариума» – лучшее тому подтверждение.

А на следующий день с утра пошёл дождь – будто бы природа с непривычки не выдержала, и всё в ней перепуталось под воздействием могучего рокового поля; только к вечеру снова выглянуло солнце, разобравшись, что всё в порядке и ничего страшного не случилось.

Журнал «Рокси», 1986.

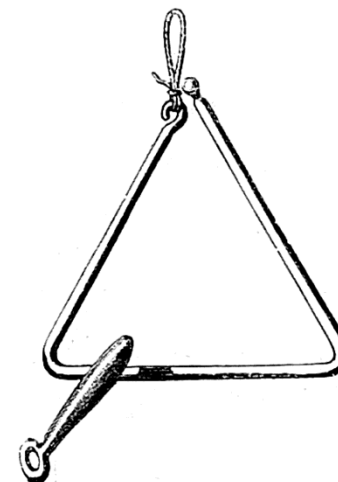
Георгий Левин

ДЛЯ НИКОГО

АКВАРИУМ, группа ныне не модная, пережившая моду, уже даже и не уже, но при этом всё равно остающаяся одним из китов, на которых, 26 января, очередной прощальный концерт, полный зал, тинэйджеры на полу центрального прохода, «Октябрьский», трепетные девчушки с букетиками, получасовой бис, скучные лица хозяев аппарата, новые песни, старые, древние, лучше всех, уверенно – весел, скоро в Англию, война продолжается, чудесно спел «Китай», проникновенно, а вот остальные гвардейцы... работа есть работа, таинство исчезло, несколько ремесленный, не горячий драйв. БГ, похоже, уже всё равно с кем играть, Дейв Стюарт, независим от собственной группы, нет старого кайфа – а как у всех дух захватывало от этой компании, магическое братство... состав изменился, изменилась и музыка (не всегда в лучшую сторону), сочные, богатые баянные пассажи Сергея Щуракова преобразуют деликатную ткань аквариумных песен в нечто абстрактно-народное, в нечто стилизованное, Пётр Трощенко стал подлинным виртуозом, очень высокий полёт, глубокое понимание возможностей ударных, в высшей степени нетрадиционная манера, но всё портит патологическая тяга к латино-американской ритмике, половина репертуара – румба, самба, лабамба, ещё был басист – новичок здесь – временщик; ну, остальные всё те же, Рюша очень мил, хотя слишком уж он торчит от всего, оттяжка – дело интимное, святое, не всегда понятно, отчего это Рюша так уж растарчивается... БГ, интервью по-

следнего времени, весна-зима, серия интервью, сказал, что не о чем петь, изменилось время, не о чем писать песни; «День Серебра», всё остальное, мол, дополнение к вышеизложенному, к основным главам, эпилог, не так уж просто, заметьте, после таких высказываний на сцену; почему же он всё-таки вышел? Почему это сделали остальные? привычка? желание играть? привычка играть? всё равно магии больше нет, все эти песни для другого времени, другие люди, может быть, лет через... сейчас надо замолчать, уйти, зачем отягощать славную, заслуженную биографию, легендарную, распадом, хлопать-то будут, толку-то? Казалось, поют они для никого, для тех, кого здесь нет и уже не будет никогда, десять, пять, восемь, пятнадцать лет назад, две тысячи лет назад, в объёмном пространстве зала вырисовывались очертания других зданий, и улиц, и скверов, прорывались потоки другого воздуха, нездешнего, забытые слова, имена, силуэты, все это вибрировало (а он уже уехал? а они?) незаметное, невидимое (а что те? та? тот? где?) известное только им и малому числу, малому кругу друзей, по привычке набившихся в гримёрку перед концертом (а ты?), концерта для никого или для тех времён, что ещё не наступили, им ещё предстоит появиться (или нет), для кофе по десять копеек чашка, рано или поздно, эти времена были и, быть может, будут... были-будут, будут-были, тинэйджеры хлопали, красные выпученные глаза Фагота, ночь чище дня, сестра, самба-румба-мамба-лабамба; для никого, «всё, что сделано нами, останется...»...

(написано где-то в году 90-м или 91-м)

ПРО АСЮ ЛЬВОВНУ

В школах все мы учимся, хорошо ли плохо, рано или поздно. Неизбежный процесс. Некоторых учителей мы запоминаем надолго, навсегда, ну а про других никогда и не вспомним даже, они безлико растворяются в окружающем нас, бездонном и бесчисленном человеческом фоне. Мне повезло глобально: потому что русский язык и литературу в моей 429-ой ленинградской школе преподавала Ася Львовна Майзель.

Я был достаточно начитанным мальчиком и немало всего знал за пределами школьной программы, однако после знакомства с Асей Львовной мои представления о поэзии и литературе радикально изменились в лучшую сторону. К тому же Ася Львовна была не только учительницей, но и сама – и в те годы, и потом, всю свою жизнь, создавала очень достойные стихи и самобытную прозу. После уроков, в классе вроде в седьмом, она стала вести литературный кружок. Рассказывала о многом и прививала вкус; вообще-то в те, ещё махрово советские времена, редко и мало где можно было услышать о таких писателях как, например, Платонов.

Желающих посещать литкружок было не так уж и много, однако среди прочих безусловно выделялись двое – Борис Гребенщиков и Антолий Гуницкий. Ася Львовна читала стихи, рассказывала что-либо интересное, ну а иногда давала какую-нибудь тему или даже без неё, но предлагала написать что-нибудь прямо сейчас. И мы охотно так поступали, с удовольствием погружались в поэтические импровизации.

Общение с Асей Львовной мы продолжили и после окончания средней школы. Она с интересом читала наши книги, высказывала свои точные, интересные комментарии. Сама продолжала писать. Интерес к жизни, к творчеству, особенно к литературному, у нее был воистину неиссякаемый. Например, с любопытством прочитала мои «Записки Старого Рокера», оставила своим карандашиком на полях небольшие комментарии и пометки.

Даже в пожилом возрасте поддерживала контакты с отдельными литераторами, помогала, чем

могла, некоторым из них. В последние годы я старался по возможности общаться с ней лично, это никогда не было скучно, ощутимо пульсировала открытая добрая энергия Аси Львовны и невозможно было не прочувствовать удивительный свет её теплой души.

Умерла моя замечательная учительница Ася Львовна Майзель в январе этого года. Долго и тяжело болела. Уже в последние дни просила читать ей стихи Сергея Есенина. Не умела жить без Поэзии.

Анатолий Гуницкий

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ СТИХИ

как похожа та на тебя
от которой слова не помогут
от которой все зеркала
в окровавленных листьях.
где-то
поднимается женщина
ей тяжело
обесцвечена осень
даже небо в колодце крыш
она переходит невский
девять минут отделяют
окна её в которых
пели дожди и солнце
последнюю серую песню
прячет
я отделить
тщетно пытаюсь лица
и руки наши от масок
которые исполняют
танец непонимания
под
разбитое
фортепиано
улиц
танец отказа
танец
испепеляющий дни

памятью поднимусь
над белым листом бумаги
до самого неба мая
имя твоё прошепчу
человек
на асфальте
стихи
собой
рисует

шаг
и потом слова
счертят размазанный контур

я когда-то любил
тебя
я когда-то любил
тебя
я когда-то любил
тебя
и она
любила меня
та которую я любил

* * *

Господи мой Иисус
длинные спутанные волосы
ленноновские очки
шутил над большими вещами
и был до боли серьёзен в малом
потому что это вечно путали
спорил до хрипоты
в тесных прокуренных комнатах
и оставался один
неумолимо ясный
словно свет на челе
и опускал голову слушая Саймона
будто хотел заплакать
только не было слёз
и гитара плакала под твоими пальцами
боже мой как ты играл
а потом опускал гитару
и выходил к людям
тщетно пытаюсь почувствовать
это чувство слияния
когда слова падают как
благословенный дождь
и глубоко под землёй
начинают лопаться почки
и цветы пробиваются к небу
...но дождь падал как на асфальт
стекая грязными лужами
на мостовую
и уходил с опущенной головой
до боли в груди

понимал что всего не сделать
но шел вперёд
словно бы по воде
господи мой Иисус

СЕМЬ ЧАШ ДРАГОЦЕННЫХ НОТ

(Семь эпизодов Альтернативной истории человечества, которым – когда они окажутся преданы гласности – на роду написано изменить курс человеческой цивилизации)

Всего будет явлено 7 либретто; на данный момент известно три из них. (Термозубы – 2й). Вот первый:

КАЗАЧЬИ СНЫ ИМПЕРАТОРА Ю

Гематома в четырёх действиях

1.

Древний Китай. 458-й год до н.э. Период "Сонных Царств".

Император Ю, употребив богатырское количество опиума-сырца, впадает в восьмимесячное замешательство.

Находясь в этом состоянии, он переживает аудио-историческую гематому, в которой ещё не рождённые (но уже павшие героической смертью) солдаты Русской Освобо-

дительной Армии оплакивают бессмысленные жертвы, принесённые богу войны. Призрачный духовой оркестр играет "На Сопках Манчжурии".

Император проливает во сне слёзы сострадания, приходит в себя и – вместе со своим отражением – следует за Волшебной Бутылкой, которая – по древнему пророчеству – должна привести его к Источнику Совершенного Покоя.

2.

2й акт совершается в абсолютной темноте. Иногда со сцены доносятся звуки, свидетельствующие о возможности жизни на других планетах.

3.

Павильон Уединенных Бесед в горах Тянь Шань.

Напившись из источника Совершенного Покоя, император наблюдает отражение луны в ручье. Волшебная бутылка возвращается к Шести Бессмертным. Проходящая мимо Нефритовая Фея отражается во всех более или менее ровных поверхностях, чем вызывает великое смятение среди рабочих сцены, не понимающих, откуда на сцене взялось столько народу.

В воздухе разлито любовное томление, порою переходящее в блаженство.

4.

По долинам и по взгорьям бесцельно ездит туда-сюда эскадрон ирландских казаков.

Своей безыскусной вольтижировкой и балагурством они пробуждают Духа Тигровой Скалы. Дух в ярости обещает уничтожить Поднебесную Танцем Семи Игл Смерти.

В этот момент появляется Никто И Звать Никак, который спасает вселенную, выливая на голову Духа Тигровой Скалы ушат воды из Янцзы. Дух исчезает, на его месте появляется тело почтенного старца, которое долгие годы находилось в заточении в духе Духа. Тело подает признаки жизни и оказывается древним Жуй И, легендарным настоятелем храма Золотого Хайхэта.

Всеобщее ликование. Император приказывает объявить этот день национальным праздником. Казаки играют на волынках, народ танцует, а Девы Пу-Эр поют Весеннюю Песнь Собирателей Лепестков.

ОТКРОВЕНИЕ ЗЫБУЧЕЙ ЛАНИ

3й алхимический балет

1. Аркадия.

Солнечный бог, беспечно бредущий по рощам, видит пробегающую мимо Зыбкую Лань и влюбляется в неё. Чтобы ускользнуть от неуклюжих ласк юного бога, зыбкая Лань превращается в веселящий газ.

Веселящий газ вдыхают по ошибке попавшие в Аркадию Шадрах, Мешах, Абеднего и примкнувший к ним Эрих Мария Бисмарк – четверо староверов из праворадикальной группировки "Мученики Бал-ТехФлота", которые готовят теракт в отместку за удачное проведение парижской выставки 1900 года и изобретение джаза.

Поражённые эффектом веселящего газа, радикалы обнаруживают лучшие стороны своей души, отказываются от насилия, присоединяются к Братству Нимф и сливаются с ними в вакхическом танце. Проходящий мимо Порфирий, куратор Пермской Независимой Галереи Беспредметного Искусства, приглашает их работать на Четвёртый Канал.

2. "Причина изобретения Сан-Марино".

Темнокожная бессарабская супермодель Поутихло во время дефиле на показе haute-couture обнаруживает, что одержима ду-

хом Джордано Бруно. Прямо с подиума она объявляет, что земля вращается вокруг солнца.

Поражённая публика впадает в неистовство. Многие известные кутюрье уходят наниматься на работу в протонный ускоритель. Однако инквизиция призывает к публичной казни супермодели. Поутихло с помощью подруг спасается бегством.

На помощь им приходит Скромный Генрих, автор трактата "Молот Ведьм", в котором зашифрованы рецепты вегетарианской кухни.

Он показывает им путь в Сан-Марино, которое оказывается скрытой землей тибетско-фашистского перерожденца Лоренцо Великолепного, примкнувшего впоследствии.

3. "Анахореты 4го Канала".

Раннее средневековье.

4й канал, одно из чудес древнего мира, после панамского суэцкого и беломор канала находится в упадке. Канал порос водорослями и никто не знает – куда он вел.

Капитан Джеймс Истон, маркиз Савойский, проходя по берегу моря, видит выброшенного на берег волнами юношу удивительной красоты и незаурядного интеллекта. Поражённый его совершенством, он приводит юношу в чувство, и обнаруживает,

что тот полностью лишен памяти. Маркиз обучает его истории древнего мира, европейским языкам, а также основам судовой и абордажа. После чего усыновляет его и делает вторым маркизом Савойским, а сам без единого гвоздя строит монастырь Нелькот, и удаляется туда, чтобы погрузиться в созерцание природы вещей.

4. "Совершенная форма настоящего времени".

Во время работ по расчистке канала Абнего и его друзья и нимфы сталкиваются с бегущими от преследования инквизиции Поутихло с подругами и те обращают их в последователей квантовой теории эволюции. С помощью гадания на протонном ускорителе они обнаруживают, что Четвертый канал – на самом деле небесная невидимая река Сарасвати, соединяющая своим течением Шамбалу, Гангу, Китежград и Вильфранш-сюр-мэр.

Во время гадания новый маркиз Савойский, облученный протонами, вспоминает, что он и есть Солнечный Бог. Он сочетается священным браком с Поутихло, которая всегда была Зыбучей Ланью. Первый маркиз-старец благословляет их.

Наступает совершенная форма настоящего времени, сочетающего в себе все времена человеческой ноосферы.

АНАТОЛИЙ ГУНИЦКИЙ

СТИХИ

ГОСПОЖА СТИХИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Госпожа Стихи не любила глотать сериалы
И на выборы она не пошла
Что ей с того
Будет ли выбран тот или этот

Все они чем-то похожи
Все они были когда-то
Или снова будут опять
Госпожа Стихи вот как решила
И конечно была права

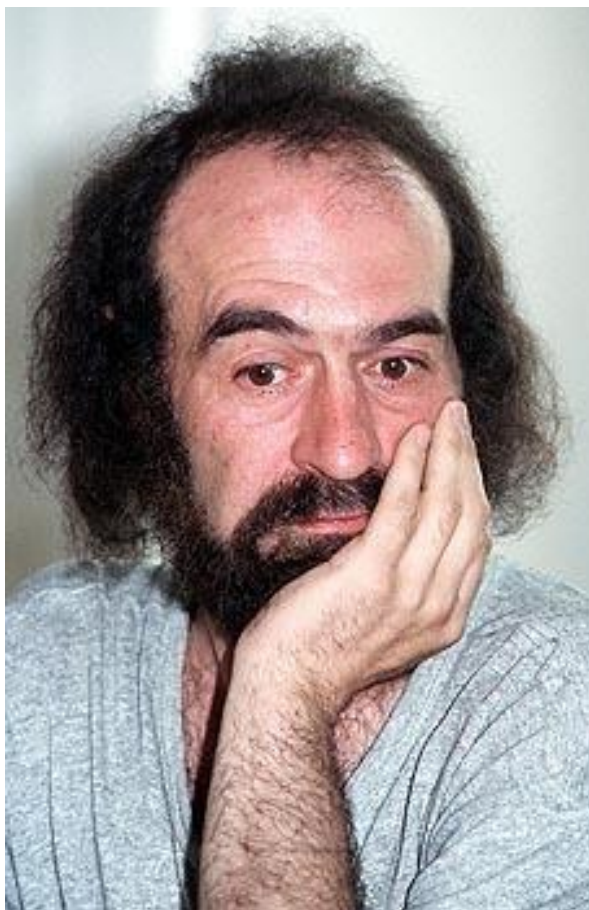
Потому как есть нечто такое
Всегда
В чём Госпожа не ошибается

МЫ ВСМАТРИВАЕМСЯ

Мы всматриваемся
Вглядываемся в собственные мобильники
Ожидаем смс-ки от Бога
Но он все молчит да молчит

Может не выспался
То ли в дурном настроении
Или у него слабый и старый айфон
Не пробивает такие расстояния

Ну а мы все всматриваемся...

ТВОИ ИЛЛЮЗИИ

Все твои иллюзии
Которые ты находил искал собирал
Ломал выменивал терял
Забывал дарил разбивал
То что у тебя ещё осталось

Ты стоишь в отдалении
Не потому что нет никого
Так сложилось десятилетиями

Что ты один
Как бы вне всего остального

На самом деле не так уж и плохо
Бывает намного хуже
И дальше и тише и глуше
Или просто звонкая мёртвая пустота

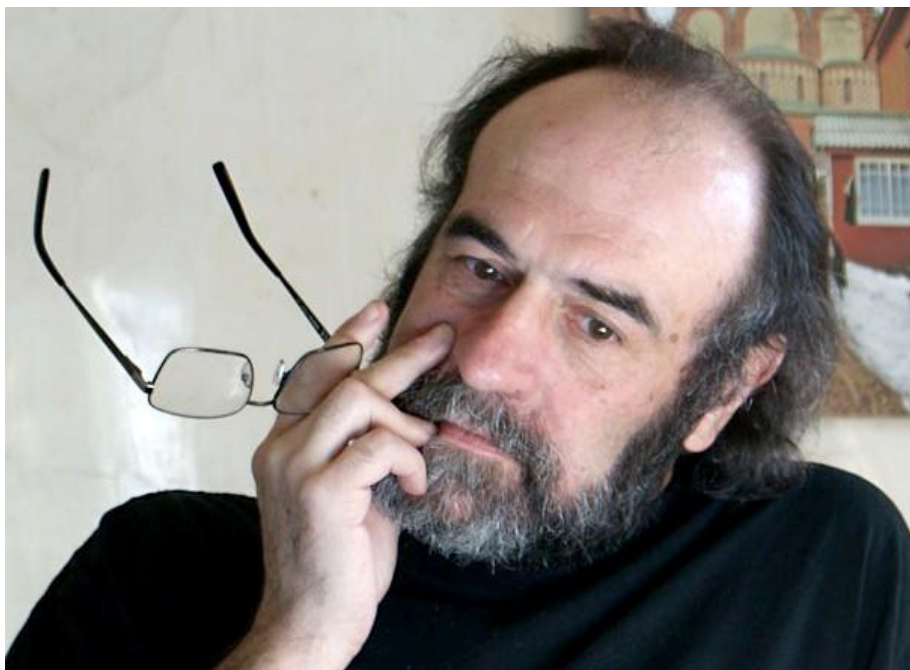
Опять дождь зарядил надолго
Тебя этим не удивишь
Ты привык к хреновой погоде
И к словам ни о чём

И ещё к тому
Что когда ты рассказываешь
О том о другом о новом
О странном о незнакомом
Или иногда про себя

То с тобой соглашаются
Как же, мол, ещё иначе-то
Но на самом-то деле внимательно
Смотрят сквозь

Уходишь уже?
Счастливо, давай!

Продолжай собирать находить терять
Доставать старые ломать новые
Дарить забывать снова искать
Единственные в своем роде
Твои Иллюзии

НЕ ХОЧУ

Я никуда не поеду
Я ничего не хочу

Конечно в путешествиях
Бывает немало романтики
Например можно спросить
У неизвестно кого
Что-нибудь непонятно о чём
Соответственно он и ответит
Неведомо что

Нет никуда не поеду
Лучше останусь дома
Продолжу играть словами

У них нередко случаются
Разные статусы жизни
Но по крайней мере
Мне они не соврут никогда

Нет никуда не поеду
Я ничего не хочу

АНГЕЛЫ

Если меньше стало больше
Я никуда бы не спешил
Спрятался за прозрачной стеной
И поглядывал в сторону новых углов
Только там и живут ангелы

ДАЛЕКО ЛИ БЛИЗКО

Птицы прошлого улетели вперёд
Как бы там ни было
Далеко ли близко
Удивлённо разглядывают
Время которое не наступило

* * *

Когда мылся
То не включил воду
Было немного странно
Или стало
Зато вытираться
Потом не пришлось

* * *

Когда наступит главная середина
Начнем отсчитывать половинки
Восьмушки
Поменьше осколки

Той волшебной константы
Которая является сутью

На особенных
Очень тонких уровнях

Иногда так кажется
Но потом пройдет прочь
Не называя имен
Быстро медленно шумно
И незаметно

НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

Утренние рассказы
Вечерние повести
Ночные поэмы
Полуденные заметки
Послеобеденные новеллы
Дневные романы
Пьесы круглые сутки
Только стихи – без времени
Их никуда не привяжешь
Улетят всё равно
Укатятся
Будто бы их не было
На ступеньках незнакомого мира
Куда мы мечтаем добраться
Не получается

ДОРОГА В АЭРОПОРТ

городской этюд

Аэропорт оказался дальше от её дома, чем она думала раньше. Чем она предполагала. Чем ей казалось. Прежде, например, дорога в аэропорт занимала от двух до пяти часов, а то и подольше; однажды, например, кто-то из знакомых добирался туда не менее полусуток. Он и не успел, в результате. По словам знающих людей, транспортные проблемы возникли из-за появления новой генерации насекомых. Во-первых, бронзовые жуки. Они постоянно попадали под колёса машин и автобусов и с треском лопались. Шоферы этого не любили, а пассажиры – тем более. Жуки эти были не такие уж маленькие, примерно метра полтора в диаметре, но шофёрам, в основном, не хотелось о них думать, они предпочитали слушать садомазохистскую болтовню ди-джеев по радио, а когда жук внезапно бронзовел перед капотом, то было уже поздно. Взрыв!

Да, это мешало, особенно в тёмное время суток. В светлое, правда, тоже. Создали специальные наряды по отлавливанию жуков – что-то типа добровольных дружин, как до революции, но горожане не любили эти дежурства и всячески от них отлынивали. Не помог даже специальный губернаторский указ. Не хотели люди ловить жуков, да и времени у них для этого особенного не было, потому что рабочий день занимал у большинства около девятнадцати часов в сутки. Какие уж тут жуки!

Но жуки плодились, в основном, в городе. А вот за пределами городскими движению транспорта сильно мешали ещё и черви. Немаленькие, жирные, мясистые, длиной около четырёхсот метров, они выползали на шоссе – и хорошо ещё, ежели куда-то ползли; ведь иногда черви медленно громоздились на дороге и надолго застывали на месте, размышляя о чём-то, нам неведомом. Ежели червь находился слева или справа, и ещё не взгромоздился на дорожное полотно, то его ещё можно было объехать.

В светлое время суток.

В тёмное иногда тоже.

Или если работали редкие фонари, расстояние между которыми и прежде-то составляло полкилометра, ну а теперь намного увеличилось. Но при объезде червя возрастала возможность столкновений с теми, кто зачем-то ехал в противоположную сторону. К тому же толщина червей, составлявшая, по мнению профессора Кононова, примерно около метра, делала затруднительной даже самую мимолётную попытку переехать через них, тем более, что истеричные активисты из Общества Охраны Новых Животных – или ООНЖ – всячески выступали против нанесения ущерба и червям, и жукам, публиковали на эту тему статьи, фельетоны и заметки, выступали по радио и иногда по телевидению. Порой мастурбировали и в инете, залезали в бездонные, чрезмерно уж ёмкие интернетные недра.

Их можно было понять – с одной стороны, ведь новые животные появились потому, что они появились и хотели всего ничего: жить, питаться и размножаться. Как и всё живое. Однако и активистам из ООНЖ также приходилось порой для чего-то пользоваться транспортом...

Ежели с жуками всё-таки проблем было поменьше, то из-за червей любое загородное путешествие имело реальнейшие шансы растянуться на чудовищно неопределённое время.

Да, аэропорт оказался гораздо дальше. От дома. Раньше она думала иначе. На исходе третьего часа машина, похожая, в сущности, на «Волгу», но более объёмная и с двумя запасными воздушными карбюраторами, уже выехала на окраину города. Время от времени раздавался треск раздавленных жуков, на который она теперь почти не обращала внимания. Шофёр тоже. Он постоянно смеялся, вспоминая свой вчерашний сон, когда... Нет, сон был сомнительный, неинтересный, шофёр толком уже и не помнил ничего, только говорил, что местами вроде бы во сне было смешно. А она и не реагировала на смех водительский, с чисто женской интуицией предчувствуя что-то другое, эдакое. Не очень приличное. И оказалось права.

Впереди скопилось немало машин. Люди толкались, что-то говорили друг другу, разводили руками, смеялись, удивлялись, возмущались, кричали. Она взглянула – и увидела, как два бронзовых жука не то царапают, не то кусают, не то просто тыкаются в плотную блестящую массу. В червя, в огромного червя. Он медленно полз че-

рез шоссе и было непонятно, как он реагирует на жучиную агрессию, мешает ли она ему или нет. Казалось, он находится в некоем анабиотическом состоянии, на грани сна и яви, вне этого мира. Но он полз. Кстати, не факт что медленно, ведь учёные не успели пока выяснить скоростные параметры движения червей. Сама по себе ситуация столкновения представителей Новых Животных – или НЖ, была фантазмагорической и неожиданной, прежде как будто бы, ничего подобного не ещё не происходило. Никто об этом не писал, не говорил, не рассказывал, не упоминал, не сообщал.

Аэропорт находился впереди, за пределами схватки НЖ.

Там были самолёты, кафе, бары, туалеты, лётчики, и стюардессы.

Там открывался путь в другой, в дальний мир, в мир, в котором находились Псков, Таллин, Касабланка и Токио, и другие города, в мир, где жили венгры, немцы, американцы, испанцы плюс представители некоторых прочих национальностей. Там вроде бы были даже Гавайские острова, в том другом и дальнем мире – хотя, честно говоря, сочетание этих двух слов до сих пор ещё многим представляется сомнительным, спорным, абстрактным, и поэтому факт существования островов остаётся в пределах настоящего изложения практически недоказуемым.

Она подумала, что вот если бы у неё был свой вертолёт, то она бы запросто могла бы добраться до аэропорта, ведь в воздухе ни жуков, ни

червей пока ещё никто не видел. Только вертолёт у нее не было. Не только у нее не было вертолёт, а и у большинства её знакомых, так что это, не лишённое справедливости предположение о вертолётах, являлось, в основе своей, совершенно чем-то напрочь ненужным, радикально и решительно неуместным.

Люди, которые толпились и толкались возле бесполезных теперь машин и наблюдали при этом странные контакты между жуками и червём, тоже никак не знали, что делать. И шофёр волгоподобной машины, что вёз её, уже не смеялся. Жалеть об этом ей не приходилось, не до того сейчас было, и она так и не узнала никогда, что же такое ему снилось вчера. Даже милиционеры, даже ушное, бесстрашное и бескомпромиссное МЧС, и прочие власть предержащие, напрочь не понимали, что же нужно сейчас предпринять. Поэтому они ничего и не предпринимали.

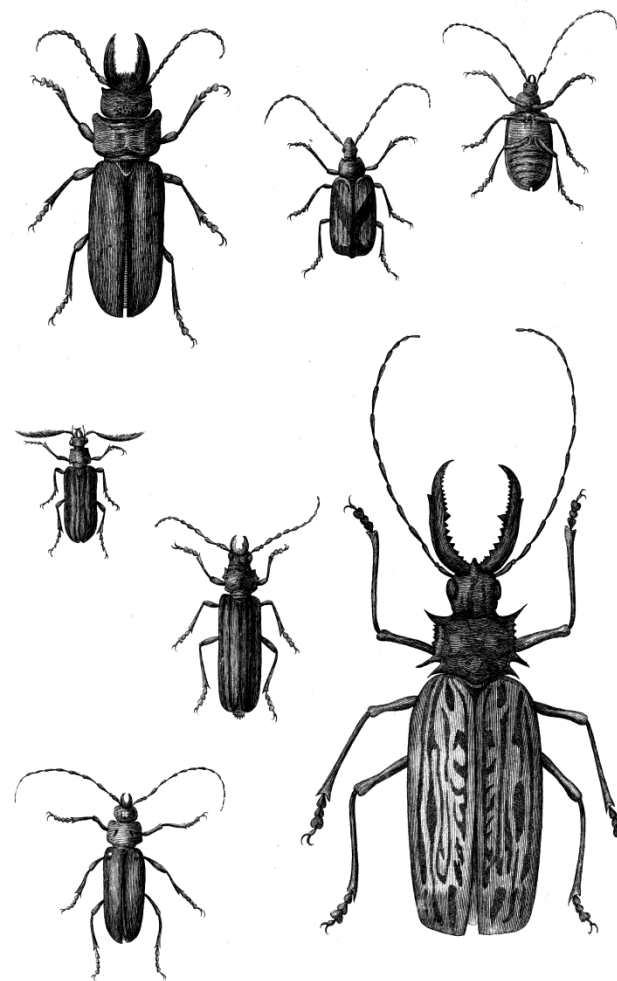
Она не успевала, она не успевала!

Как и кто-то из её неведомых знакомых, добравшихся в аэропорт не менее полусуток. И он ведь не успел. А сколько времени продлится её поездка? Внезапно стал накрапывать дождь, сильно напоминавший снег. Это в июне-то месяце!

Воистину, аэропорт оказался гораздо дальше от её дома, чем она думала раньше. Чем она предполагала. Чем ей казалось. Не об этом ли писал Герхард Уильямс:

«Мы не спешили прежде, но теперь,
Застыли в ожидании. Как свечи.
Их некому зажечь. Вдали поет Орфей.
По глиняной дороге вглубь судьбы
Нам не пройти. А рядом, на траве
Танцуют кондоры и амазонки».

Вероятно, классик был во многом прав.
Вы так не думаете?
Вам так ещё не кажется?

«ФИЛЬМ» СЭМЮЭЛЯ БЕККЕТА

По словам одного достаточно известного в мировой истории персонажа из политического разлива древних лет, кино является важнейшим, мол, из всех искусств. Похоже, дедушка тот как в воду глядел. Потому что или поскольку, или также и само собой, уровень всемирной киноэкспансии если не то что достиг суперапогея, но уже давно перешёл на более тотальную систему воздействия на массы человечья. Про сериалы и вовсе говорить не стану. Тут больше грустно, чем как-то ещё...

И всё же – кое-что про «важнейшее из искусств». В недрах инета мне удалось обнаружить «Фильм» – или совместный кинпроект Алана Шнайдера и великого Сэмюэля Беккета. Классик абсурдизма остался верен себе. Стоит, пожалуй, сразу сообщить, что двадцатиминутный фильм снят в 1965 году как немое кино в духе киноэстетики начала века номер 20. Главную и единственную роль исполняет Бестер Китон. Различные высокоумные киновееды уже сопроводили «Фильм» множеством высказываний, измышлений, цитат откуда угодно и прочего разного такого. Вторичного, как всегда, но неизбежного.

Много лет назад «Фильм» с немалым успехом был показан на Венецианском кинофестивале 1965 года.

Не самое обычное это произведение.

Не для широкого круга, типичный неформат, и очень даже не для всех. Как и должно быть в

подлинно абсурдистском опусе, здесь нет хитроумных и головоломных изгибов сюжетных, ни острых интриг, однако именно это и придаёт действию эдакую экзистенциальную замкнутость и удушающую безысходность. Поневоле ощущаешь, что вот так и было, и будет всегда.

Некий человек идёт по городу. По полуразваленному городу, по полураздолбанному. Идёт медленно, неуверенно, без особенного желания. Но всё равно куда-то идёт. Проходит мимо, рядом с другими людьми. Их немного, но когда они видят его, Первого, то их правильные, благонамеренные лица искажают судороги ужаса и страха.

Он проходит мимо, идёт дальше. Входит в квартиру. Квартирка тоже особенная, пустые стены, вроде бы здесь и чисто, но какое-то всё не очень жилое. Совсем даже нежилое. Повсюду много кошек. Попугай в клетке. Собачки маленькие в корзине. Первый – он по прежнему в плаще и в шляпе – начинает выносить кошек из комнаты. Вынес одну. Или это был кот? Пока стал выносить другое кошачье существо, то, которое он вынес из комнаты вначале, опять забегает в комнату. Он опять выносит непослушное животное, другое опять забегает. Странные мизансцены повторяются несколько раз. Запирает дверь изнутри на замок, устало садится в кресло.

Потом подходит к жутковатой картинке на стене, на которой нарисовано нечто околоживотное, с огромными глазами. Разрывает этот лист на несколько кусков, садится. Замечает птицу в клетке, она весьма и внимательно, и испуганно, и

безразлично, смотрит на него своими сонными и холодными глазищами. Снимает плащ, набрасывает его на клетку. Опять откуда-то появляются странные животные. Новые листы со странными картинками, это... нет, уже не рисунки, но фотографии.

Их не так уж немало. На фотках мужчина и женщина. Раскачивается в кресле, рассматривает фотографии. Потом рвёт их на мелкие кусочки, уничтожает – таким образом – своё прошлое. Оно ему не нужно совершенно. Уже не нужно. Покачивается в кресле. Весь пол в комнате усыпан разорванными фотографиями. Застывает.

Взгляд вокруг. Всё то же самое, ничего нового.
Внезапно внимательно смотрит вперёд – и видит
себя самого.

В кресле, в шляпе. В ужасе кричит.

В немом кино крик воспринимается особенно
остро.

Перед нами в «Фильме» мелькнул фрагмент (ку-
сок) жизни. Похоже, что финальный. Что было
прежде, каким было оно – мы никогда не узна-
ем. Но зато видим, чем и как все закончилось.

Невозможно забыть этот простой и жуткий
фильм.

Про что он?

Да про всё что угодно; в том числе и про нас с
вами. Качающихся в своих креслах, бредущих по
своим городам, запирающихся в квартирах.
Кошки, собаки, попугаи. Фотографии. Всё как
всегда. Ну а потом мы вдруг все вспоминаем – и
громко, так громко! так ужасно кричим. Но ни
звука не слышно.

Оказывается, фильм-то был немой.

Дон Пангвий

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

Вчерашний день, часу в шестом, зашёл я на Сенную. Но там никого не били кнутом, да и крестьянок молодых (которые могли бы быть – или как бы даже и стать) жертвами беспричинно неадекватной агрессии, не угляделось мне совершенно. Сложна, туманна, неявна порой странная жизнь наша. Побродив с полчаса эдак вокруг да около, отправился я домой. Ну и гамбургер какой-то препаршивый по дороге съел, с соусом из дикой карельской утки.

Неожиданно стало известно, что альбом «Искушения Святого Аквариума», был записан намного раньше того, как все привыкли думать, считать или иногда рассказывать незнакомым девушкам, дабы поскорее их соблазнить. Плоды сего давно налицо.

Якушев не любил работать. Мало работал. Почти что и не работал. Годы идут, вьются изысканно, закручиваются в пёстрые сегментовидные петли, однако Якушев по-прежнему не любит работать. Мало работает. Почти что не работает.

Однажды Сева Гаккель решил, что всё, решительно всё, бесповоротно всё, происходит как-то не так, неправильно, не так как нужно. Отправился в клуб «Грибоедов». Не шибко там ему понравилось. Много было как-то то не так, то эдак, то непонятно куда и даже зачем. После чего Сева пришёл к выводу, что в древние времена доисторические, когда он жил на улице Лёни Голикова, он ни за что бы и никому бы не поверил, если бы сообщили ему, что в следующем веке группа JETHRO TULL неоднократно будет выступать в Пите-

ре. Он бы не поверил, ага. Но вот этого никто ему тогда и не говорил. В тоже время JETHRO TULL с каким-то непостижимым упорством по-прежнему продолжают сюда наведываться. Сева Гаккель ничуть не против.

Однажды некто Пётр Мейдов написал нечто драматургического разлива; то бишь, это получилась не совсем чтобы пьеса, однако и не сценарий киношный, грубый и туповато-жёсткий. Впрочем, как бы там ни было, но Мейдов сам недоумевал немало. Могло ли сложиться иначе? Нет, чёрта с два! Ведь главный персонаж Мейдова по имени Конт, то пытается закрутить беспросветный роман с младшей дочерью дворника Мэлоу, то вызывает на дуэль глиняными тарелками подследоватого, но дежурного полицейского, то пытается отыскать на улице Рубинштейна, 13 ленинградский рок-клуб, где он однажды курил траву с одной симпатичной леди, но потом забыл как её зовут и уже пять с гаком лет не может этого вспомнить. А уж кто там играл в рок-клубе в тот дивный морозный вечер, ни Конт, ни Мэлоу, да и ни сам Мейдов вспомнить совершенно не могут.

«Не пойму, хорошо мне, или плохо» – подумала одна женщина. И не только подумала. но даже написала эти самые слова. Но может быть, даже и сказала, вслух произнесла. Негромко. Честно скажу в ответ: автор этих строк в упор и совершенно не ведает, чтобы он смог сказать в ответ этой почтенной даме – если бы она задала ему аналогичный вопрос. И как знать, не в связи ли с доморощено-печальным казусом тотальной разобщённости, древние люди недву-

смысленно напевали вокруг порой: «вот такая брат, е...ория».

Некоторые люди, приезжая Бог знает за чем порой в город СПб, захаживают порой в галерею «Борей» на Литейном, 58. Правильно делают, ибо там априори хорошо. Другие действующие лица нашей жизни, не прочь посетить и арт-центр «Пушкинская, 10». И они тоже правильно делают, ибо и там не менее априори и не менее хорошо. Да, спорить не приходится и жизнь так называемая – она уж «вовсе не сахар». Как пел в своё время Жора Ордановский из незабываемых извечных РОССИЯН. Но может даже и не он, а кто-то другой. Ну и не суть уже... заходите на Пушкинскую, не пожалеете. И уж мало точно вам не покажется. Вход с Лиговского проспекта.

Не так уж давно, в недрах одного альтернативного исследовательского центра из Костамукши-лайт, была сформирована прелюбопытнейшая теория о том, что 180 грамм вискаря вполне равнозначны полстакану свежего джина, но чтобы желательно зелёного цвета. Ежели не верите – ок, убедитесь сами!

Из любого правила могут наблюдаться исключения, но неизвестно какие и неведомо когда; так подумал однажды Александр Сергеевич Ляпин, именитый ниндзя гитарист. И уехал на Западное побережье, штатское. До сих пор он там, где-то в предместьях Сан-Франциско. Возвращаться назад пока отчего-то не собирается